Саша ЧЁРНЫЙ

Весёлые приключения СОБАКИ

эксмодетство

Весёлые приключения собаки. Дневник фокса Микки

Саша Чёрный

Аннотация
Саша Чёрный. Весёлые приключения собаки. Дневник фокса Микки
Дневник фокса Микки
  О Зине, о еде, о корове и т. п
  Стихи, котята и блохи
  Разные вопросы, мой сон и мои собачьи мысли
  Осенний кавардак
  Я один
  Переезд в Париж
  На пляже
  В Зоологическом саду
  Как я заблудился
  В цирке
  Проклятый пароход
  Возвращаюсь в Париж и ставлю большую точку
Рассказы
  Фокс-воришка
  Буйабес
  Патентованная краска

Домик в саду

Аннотация

Необыкновенно умный фокстерьер Микки ведёт дневник, в котором делится с читателями своими впечатлениями и наблюдениями. Весёлые, добрые и трогательные истории придумал известный русский писатель Саша Чёрный (Александр Гликберг). Кроме того, в книгу вошли 4 рассказа для детей: «Фокс-воришка», «Буйабес», «Патентованная краска», «Домик в саду». Иллюстрации народного художника России Анатолия Елисеева.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Саша Чёрный
Весёлые приключения собаки. Дневник фокса Микки

© Елисеев А.М., иллюстрации, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Дневник фокса Микки

Иллюстрации Анатолия ЕЛИСЕЕВА

О Зине, о еде, о корове и т. п

Моя хозяйка Зина больше похожа на фокса, чем на девочку: визжит, прыгает, ловит руками мяч (ртом она не умеет) и грызёт сахар, совсем как собачонка. Всё думаю — нет ли у неё хвостика? Ходит она всегда в своих девочкиных попонках; а в ванную комнату меня не пускает, — уж я бы подсмотрел.

Вчера она расхвасталась: видишь, Микки, сколько у меня тетрадок. Арифметика — диктовка — сочинения… А вот ты, цуцик несчастный, ни говорить, ни читать, ни писать не умеешь.

Гав! Я умею думать — и это самое главное. Что лучше: думающий фокс или говорящий попугай? Ага!

Читать я немножко умею: детские книжки с самыми крупными буквами.

Писать… Смейтесь, смейтесь (терпеть не могу, когда люди смеются)! — писать я тоже научился.

Правда, пальцы на лапах у меня не загибаются, я ведь не человек и не обезьяна. Но я беру карандаш в рот, наступаю лапой на тетрадку, чтобы она не ёрзала, — и пишу.

Сначала буквы были похожи на раздавленных дождевых червяков. Но фоксы гораздо прилежнее девочек. Теперь я пишу не хуже Зины. Вот только не умею точить карандашей. Когда мой иступится, я бегу тихонько в кабинет и тащу со стола отточенные людьми огрызочки.

* * *

Ставлю три звёздочки. Я видал в детских книжках — когда человек делает прыжок к новой мысли, он ставит три звёздочки…

Что важнее всего в жизни? Еда. Нечего притворяться! У нас полон дом людей. Они разговаривают, читают, плачут, смеются — а потом садятся есть. Едят утром, едят в полдень, едят вечером. А Зина ест даже ночью: прячет под подушку бисквиты и шоколадки и потихоньку чавкает.

Как много они едят! Как долго они едят! Как часто они едят. И говорят ещё, что я обжора…

Сунут косточку от телячьей котлетки (котлетку сами съедят!), нальют полблюдца молока — и всё.

Разве я пристаю, разве я прошу ещё, как Зина и другие дети? Разве я ем сладкое — клейстер, который называется киселём, или жидкую гадость из чернослива и изюма, или холодный ужас, который они называют мороженым? Я деликатнее всех собак, потому что я породистый фокс. Погрызу косточку, съем, осторожно взяв из рук Зины, бисквит, и всё.

Но они… Зачем эти супы? Разве не вкуснее чистая вода? Зачем эти горошки, морковки, сель-

дерейки и прочие гадости, которыми они портят жаркое?

Зачем вообще варить и жарить?

Я недавно попробовал кусочек сырого мяса (упал на кухне на пол — я имел полное право его съесть!)… Уверяю вас, оно было гораздо вкусней всех этих шипящих на сковородке котлет…

И как было бы хорошо, если бы не варили и не жарили! Не было бы кухарок: они совсем не умеют обращаться с порядочными собаками. Ели бы все на полу, без посуды — мне было бы веселей. А то всегда сидишь под столом, среди чужих ног. Толкаются, наступают на лапы. Подумаешь, как весело!..

Или ещё лучше: ели бы на траве перед домом. Каждому по сырой котлетке. А после обеда все бы барахтались и визжали, как Зина со мной… Гав-гав!

Меня называют обжорой (выпил глоток молока из кошкиного блюдца, подумаешь)…

А сами… После супа, после жаркого, после компота, после сыра — они ещё пьют разноцветные штуки: красную — вино, жёлтую — пиво, чёрную — кофе… Зачем? Я зеваю под столом до слёз, привык около людей околачиваться, а они всё сидят, сидят, сидят… Гав! И все говорят, говорят, говорят,

точно у каждого граммофон в животе завели.

* * *

Три звёздочки.

Новая мысль. Наша корова — дура. Почему она даёт столько молока? У неё один сын — телёнок, а она кормит весь дом. И чтоб давать столько молока, она весь день ест, ест свою траву, даже смотреть жалко. Я бы не выдержал. Почему лошадь не даёт столько молока? Почему кошка кормит своих котят и больше ни о ком не заботится?

Разве говорящему попугаю придёт в голову такая мысль?

И ещё. Почему куры несут столько яиц? Это ужасно. Никогда они не веселятся, ходят, как сонные мухи, летать совсем разучились, не поют, как другие птицы… Это всё из-за этих несчастных яиц.

Я яиц не терплю. Зина — тоже. Если бы я мог объясниться с курами, я бы им отсоветовал нести столько яиц.

Хорошо всё-таки быть фоксом: не ем супа, не играю на этой проклятой музыке, по которой Зина бегает пальцами, не даю молока и «тому подобное», как говорит Зинин папа.

Трах! Карандаш надломился. Надо писать осторожнее — кабинет на замке, а там все карандаши.

В следующий раз сочиню собачьи стихи — очень это меня интересует.

Фокс Микки,
первая собака, умеющая писать

Стихи, котята и блохи

Взрослые всегда читают про себя. Скучные люди эти взрослые, вроде старых собак. А Зина — читает вслух, нараспев и всё время вертится, хлопает себя по коленке и показывает мне язык. Конечно, так веселей. Я лежу на коврике, слушаю и ловлю блох. Очень это во время чтения приятно.

И вот я заметил, что есть такие штучки, которые Зина совсем по-особому читает: точно котлетки рубит. Сделает передышку, языком прищёлкнет и опять затарахтит. А на конце каждой строчки — ухо у меня тонкое — похожие друг на друга кусочки звучат: «дети — отца, сети — мертвеца»... Вот это и есть стихи.

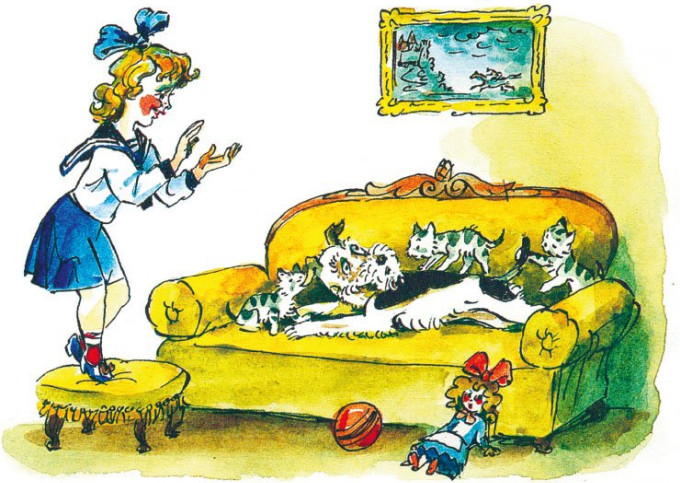
Вчера весь день пролежал под диваном, даже похудел. Всё хотел одну такую штучку сочинить. Придумал — и ужасно горжусь.

По веранде ветер дикий
Гонит листья всё быстрей.
Я весёлый фоксик Микки,
Самый умный из зверей!

Замечательно! Сочинил и так волновался, что даже не мог обедать. Подумайте! Это первые в мире собачьи стихи, а ведь я не учился ни в гимназии, ни в «цехе поэтов»... Разве наша кухарка сочинит такие стихи? А ведь ей сорок три года, а мне только два. Гав! Эта кубышка-Зина и не подозревает, кто у неё живёт в доме... Запеленала меня в салфетку, уткнула в колени и делает мне замшевой притиралкой маникюр. Молчу и вздыхаю. Разве девочка что-нибудь путное придумает?

И вот, лёжа, пробовал прочесть про себя свои стихи наоборот. Тяв! Может быть, так ещё звончей будет?..

Дикий ветер веранде по
Быстрей всё листья гонит...
Микки фоксик весёлый я,
Зверей из умный самый...

Ай-яй-яй! Что же это такое?

Котята! Скажите, пожалуйста!.. Их мать, хитрая тварь, исчезает в парке на весь день: шмыг — и нету, как комар в ёлке. А я должен играть с её детьми... Один лижет меня в нос. Я тоже его лизнул, хотя зубы у меня почему-то вдруг щёлкнули... Другой сосёт моё ухо. Мамка я ему, что ли? Третий лезет ко мне на спину и так царапается, словно меня тёркой скребут. Р-р-р-р! Тише, Микки, тише... Зина хохочет и захлёбывается, ты, говорит, их двоюродный папа.

Я не сержусь: надо же им кого-нибудь лизать, сосать и царапать… Но зачем же эта девчонка смеётся?

Ах, как странно, как странно! Сегодня бессовестная кошка вернулась наконец к своим детям. И знаете — когда они бросили меня и полезли все под свою маму — я посмотрел из-под скатерти, задрожал всей шкурой от зависти и нервно всхлипнул. Непременно напишу об этом стишок.

Ушёл в аллею. Не хочу больше играть с котятами! Они не оценили моего сердца. Не хочу больше играть с Зиной! Она вымазала мне нос губной помадой…

Сделаюсь диким фоксом, буду жить на каштане и ловить голубей. У-у-у!

* * *

Видел на граммофонной пластинке нацарапанную картинку: фокс сидит перед трубой, склонил голову набок, свесил ухо и слушает. Че-пу-ха! Ни один порядочный фокс не будет слушать эту хрипящую, сумасшедшую машину. Если бы я был Зинин папа, уж я бы лучше держал в гостиной корову. Она ведь тоже мычит и ревёт, да и доить её удобней дома, чем бегать к ней в сарай. Странные люди…

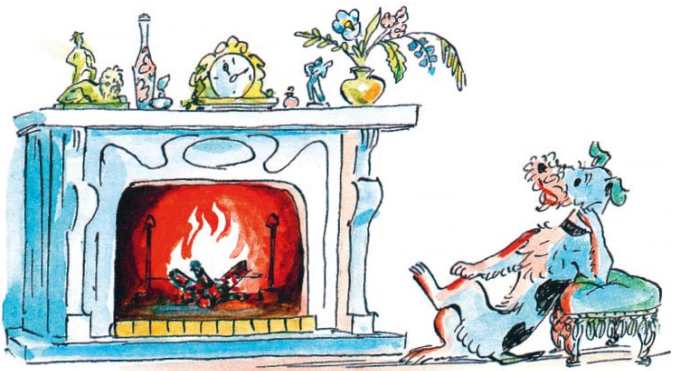
С Зиной помирился: она катала по паркету игрушечный кегельный шар, а я его со всех ног ловил. Ах, как я люблю всё круглое, всё, что катится, всё, что можно ловить!..

Но девочка… всегда останется девочкой. Села на пол и зевает. «Как тебе, Микки, не надоест сто раз делать одно и то же?»

Да? У неё есть кукла, и книжки, и подруги, папа её курит, играет в какие-то дурацкие карты и читает газеты, мама её всё время одевается и раздевается… А у меня только мой шар, — и меня ещё попрекают!

Ненавижу блох. Не-на-ви-жу. Могли бы, кажется, кусать кухарку (Зину мне жалко), так нет: целый день грызут меня, точно я сахарный… Даже с котят все на меня перескочили. Ладно! Пойду в переднюю, лягу на шершавый коврик спиной книзу и так их разотру, что они в обморок попадают. Гав-гав-гав!

Затопили камин. Смотрю на огонь. А что такое огонь — никому не известно.

Фокс Микки,
собака-поэт,
умнее которой в мире нет...

Разные вопросы, мой сон и мои собачьи мысли

Вопросом называется такая строчка, в конце которой стоит рыболовный крючок: вопросительный знак.

Меня мучают пять вопросов.

Почему Зинин папа сказал, что у него «глаза на лоб полезли»? Никуда они не полезли, я сам видел. Зачем же он говорит глупости? Я прокрался к шкафу, сел перед зеркалом и изо всех сил закатил кверху глаза. Чушь! Лоб вверху и глаза на своём месте.

Живут ли на Луне фоксы, что они едят и воют ли на Землю, как я иногда на Луну? И куда они деваются, когда лунная тарелка вдруг исчезает на много дней неизвестно куда?.. Микки, Микки, ты когда-нибудь сойдёшь с ума!

Зачем рыбы лезут в пустую сетку, которая называется вершей? Раз не умеешь жить над водой, так и сиди себе тихо в пруде. Очень мне их жалко! Утром плавали и пускали пузыри, а вечером перевариваются в тёмном и тесном человеческом желудке. Да ещё гнусная кошка все кишочки по

саду растаскала…

Почему Зинина бонна всё была брюнеткой, а сегодня у неё волосы как соломенный сноп? Зина хихикнула, а я испугался и подумал: хорошо, Микки, что ты собака… Женили бы тебя на такой попугайке: во вторник она чёрная, в среду — оранжевая, а в четверг — голубая с зелёными полосками… Фу! Даже температура поднялась.

Почему, когда я себя веду дурно, на меня надевают намордник, а садовник два раза в неделю напивается, буянит, как бешеный бык, — и хоть бы что?! Зинин дядя говорит, что садовник был контужен и поэтому надо к нему относиться снисходительно. Непременно узнаю, что такое «контужен» и тоже контужусь. Пусть ко мне относятся снисходительно.

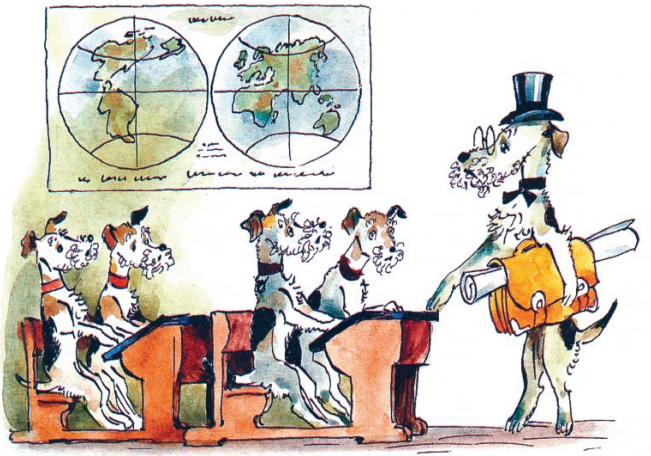

Пойду догрызу косточку (я спрятал её… где… а вот не скажу!). Потом опять попишу.

* * *

Ах, что я видел во сне! Будто я директор собачьей гимназии. Собаки сидят по классам и учат «историю знаменитых собак», «правила хорошего собачьего поведения», «как надо есть мозговую кость» и прочие подходящие для них штуки.

Я вошёл в младший класс и сказал: «Здравствуйте, цуцики!» — Тяв, тяв, тяв, господин директор! — «Довольны вы ими, мистер Мопс?» Мистер Мопс, учитель мелодекламации, сделал реверанс и буркнул: «Пожаловаться не могу. Стараются». — «Ну, ладно. Приказываю моим именем распустить их на полчаса».

Боже мой, что тут поднялось! Малыши бросились на меня всей ватагой. Повалили на пол… Один вылил на меня чернильницу, другой уколол меня пером в кончик хвоста — ай! Третий стал тянуть моё ухо вбок, точно я резиновый… Я завизжал, как паровоз, — и проснулся. Луна. На полу сидит таракан и подъедает брошенный Зиной

бисквит. За окном хлопает ставня. Уй-юй-юй!..

Зинина комната на запоре. Я прокрался в закоулок за кухней и свернулся на коврике у кухаркиной кровати. Конечно, я её не люблю, конечно, она храпит так, что банки дребезжат на полке, конечно, она высунула из-под одеяла свою толстую ногу и шевелит во сне пальцами… Но что же делать?

Окно побелело, а я всё лежал и думал: что означает мой сон? У кухарки есть затрёпанная книга — «сонник». Она часто перелистывает её пухлыми пальцами и всё вычитывает по складам про какого-то жениха. Подумаешь, кто на такой сковородке женится?..

Но что мне «сонник»? Собачьих снов в нём всё равно нету… А может быть, сон был мне в руку? То есть в лапу.

* * *

Мысли.

Вода замерзает зимой, а я каждое утро. Самое гнусное человеческое изобретение — ошейники, обтянутые собачьей кожей.

Зачем наш сосед пашет землю и сеет хлеб, когда рядом с его усадьбой есть булочная?

Когда щенок устроит совсем-совсем маленькую

лужицу на полу — его тычут в неё носом; когда же то же самое сделает Зинин младший братишка, пелёнку вешают на верёвочку, а его целуют в пятку… Тыкать, так всех!

Дрался с ежом, но он нечестный: спрятал голову, и со всех сторон у него колючий зад. Р-р-р! Это что ж за драка?..

Ел колбасу и проглотил нечаянно колбасную верёвочку. Неужели у меня будет аппендицит?!

Зина пахнет миндальным молоком, мама её — тёплой булкой, папа — старым портфелем, а кухарка… многоточие…

Больше мыслей нету. Взы! Почему никто не догадается дать мне кусочек сахару?

Фокс Микки,
которому по-настоящему
следовало бы быть профессором

Осенний кавардак

Осень. Хлюпает дождик. Как ему не надоест целый день хлюпать? Жёлтые листья всё падают, и скоро деревья будут совсем лысые. А потом пойдут туманы, — большая собака заберётся в будку и будет храпеть с утра до вечера. Я иногда хожу к ней в гости. Но она глупая и необразованная: когда я с ней играю и осторожно цапаю её за

хвост, она бьёт меня лапой по голове и хватает зубами поперёк живота. Деревенщина!

Туманы — туманы — туманы. Грязь — грязь — грязь. И вдруг потянет теплом. Налетят со всех сторон сумасшедшие птицы. Небо станет, как вымытая Зинина голубая юбка, и на чёрных палках покажутся зелёные комочки. Потом они лопнут, развернутся, зацветут… Ох, хорошо! Это называется — весна.

Деревья, вот даже старые, молодеют каждую весну. А люди и взрослые собаки — никогда. Отчего? Вот Зинин дядя совсем лысый, вся шерсть с головы облезла, точь-в-точь — бильярдный шар. А вдруг бы у него весной на черепе зелёная травка выросла? И цветочки?

Или чтоб у каждой собаки в апреле на кончике хвоста бутон распускался?..

Всё бы я на свете переделал. Но что же может маленький фокс?

А в доме — кавардак. Снимают ковры, пересыпают каким-то на-фта-ли-ном. Ух, как от него чихаешь! Я уж в комнаты и не хожу. Лежу на веранде и лапой тру нос. Ведь я же всегда хожу босиком, к лапам и пристаёт. Прямо несчастье!

* * *

Зина собирает свои книжки и мяучит. Братец её лежит в своей колясочке перед клумбой и визжит, как щенок. И только я, фокс Микки, кашляю, как человек, скромно и вежливо: у меня бронхит.

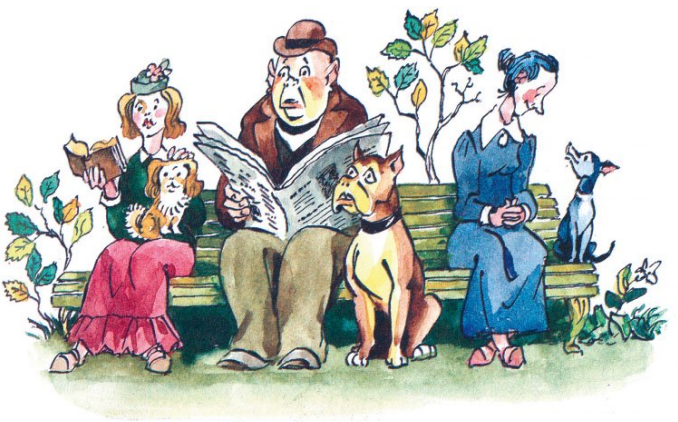
Пусть, пусть собирается. Ни за что я в Париж не поеду. Спрячусь у коровы в соломе — не разыщут.

Ну что там в Париже, подумайте? Был один раз, возили к собачьему доктору. Улиц — миллион, а миллион — это больше, чем десять. Куда ни посмотришь — ноги, ноги и ноги. Автомобили, как пьяные носороги, летят, хрипят — и все на меня!.. Я уж Зининой юбки из зубов не выпускал. Цепочка тянет, намордник жмёт. Как они могут жить в таком карусельном городе!..

Ни за что! Чтоб я сидел у окна и смотрел на вывеску с дамской ногой? Чтоб меня консьержка называла «поросёночком»? Чтоб меня гоняли с кресел и с дивана?! Чтоб меня попрекали, что я развожу в доме блох?! Я ж их не фабрикую — они сами разводятся…

И какие там гнусные собаки! Бульдоги с растопыренными лапами, вывороченной мордой и

закушенными языками; полосатые доги, похожие на мясников; мопсы вроде жаб, зашитых в собачью шкуру; болоночки — волосатые насекомые с висячими ушами и мокрыми глазами... Фу! Гав-гав! Фу! Отчего это собаки такие разные, а кошки все на один фасон? И знаете — это, впрочем, Зина сказала, — они все похожи друг на друга: хозяева на своих собак, и собаки на своих хозяев. А Микки и Зина? Что ж, и мы похожи, только бантики у нас разные — у неё зелёный, а у меня жёлтый.

Ах, как из дверей дует! Пальто на диване, а укрыться не умею. Нет, что ни говори, — руки иногда вещь полезная.

* * *

Грузовик забрал вещи. В столовой — бумаги и сор. Зачем это люди переезжают с места на место? Дела, уроки, квартира… «Собачья жизнь!» — говорит Зинин папа. Нет уж, собачья лучше, это позвольте мне знать.

Меня оставляют. Подружусь с дворовой собакой, ничего не поделаешь. Зина говорит, чтоб я не плакал, обещает раз в неделю приезжать, если я буду себя хорошо вести. Буду! Очень я её люблю: я её сегодня лизнул в глаз, а она меня в нос. Чудесная девочка!

Садовнику приказали меня кормить. Пусть попробует не кормить, — я у него все бутылки перебью! Да и мясник меня любит: каждый раз, когда приезжает, что-нибудь даст. Котята выросли, быстро это у них делается... Совсем меня забыли и носятся по парку, как оглашенные (что это такое «оглашенные»?). Придётся и с ними

подружиться…

Но самое обидное: кончается мой последний карандашный огрызок. А с письменного стола всё убрали. Ах, зачем я не догадался взять про запас! Прощай, мой дневник… Я уж Зину так умолял, так умолял — за платье дёргал, перед письменным столом служил, но она не понимает и всё мне шоколадки в рот суёт. Вот горе! Без рук тяжело, а без языка — из лап вон плохо!..

Моя золотая-серебряная-бриллиантовая тетрадка. Суну тебя под шкаф, лежи там до будущей весны…

Ай-яй! Гав! Зина заметила, что я пишу… Идёт ко мне. Отнима…

Я один

В доме никого нет. Во все щели дует собачий ветер (почему собачий?). Вообще, ветер дурак: дует в голом парке, а там и сорвать нечего. На дворе ещё кое-как с ним справляюсь: стану спиной к ветру, голову вниз, ноги расставлю — и «наплевать», как говорит садовник.

А в комнате никуда от этого бандита не спрячешься. Врывается из-под двери, сквозь оконные щёлочки, сквозь каминную дыру, и так пищит, и так скулит, и так подвывает, точно его мама была собакой. Ни морды, ни глотки, ни живота, ни зада у него нет. Чем он дует — понять не могу…

Забираюсь под диванную подушку, закрываю глаза и стараюсь не слушать.

Отдал бы полную чашку с овсянкой (ужасная гадость!), если бы мне кто-нибудь объяснил, зачем осень, зачем зима? В аллее такая непроходимая грязь, какую я видал только под носорогом в зоологическом саду. Мокро. Голые ветки хлопают друг о друга и чихают. Ворона, облезшее чучело, дразнится: «Кра, почему тебя не взяли в город?»

Потому что сам не захотел! А теперь жалко, но держусь молодцом. Вчера только поплакал

у камина, очень уж гадко в темноте и сырости. Свечку нашёл, а зажечь не умею. У-у-у!

К садовнику не хожу. Он сердится, почему у меня лапы всегда в грязи? В сабо мне ходить, что ли?

Ах, ах… Одна только радость — разыскал в шкафу позабытую сигарную коробку с карандашами, стянул в буфетной приходно-расходную книжку, и вот опять веду свой дневник.

Если бы я был человеком, непременно издавал бы журнал для собак!

* * *

Скребутся мыши. Хотя фоксам это не полагается, но я очень люблю мышей. Чем они виноваты, что они такие маленькие и всегда хотят есть?

Вчера один мышонок вылез и стал катать по полу прошлогодний орех. Я ведь тоже люблю катать всё круглое. Очень хотел поиграть с ним, но удержался: лежи, дурак, смирно! Ты ведь большой, как слон: напугаешь малыша, и он больше не придёт. Разве я не умница?

Сегодня другой до того осмелел, что взобрался на диван и понюхал мою лапу. Я прикусил язык и вздрогнул. Тяф! Как я его люблю!

Вот только как их отличать одного от другого?..

Если кошка посмеет их тронуть, я её загоню на самую высокую ёлку и целый день сторожить буду... Гав! Дрянь! Ненавижу!..

Почему ёлки всю зиму зелёные? Думаю, потому, что у них иголочки. Ветру листья оборвать не штука, а иголочки — попробуй! Они тоненькие — ветер сквозь них и проходит, как сквозь

решето…

* * *

До чего я исхудал, если бы вы знали. Зинина тётя была бы очень довольна, если бы была теперь похожа на меня. Она ведь всё похудеть хочет. А сама целый день всё лопает и затягивается.

Проклятый садовник и консьерж сговорились: съедают всю провизию сами, а мне готовят только эту ужасную овсянку. Дворовому псу дают большие кости и суп с чёрствым хлебом. Он со мной делится, но где ж мне разгрызть такую кость, когда она твёрже утюга? А суп… Таким супом в бистро тарелки моют!

Даже молока жалеют, жадины! Молоко ведь даёт корова, а не они. Уж я бы её сам подоил: мы с ней дружны, и она мне всегда в глаза дышит, когда я прибегаю в сарай. Но как я её буду доить моими несчастными лапами?..

Придумал штуку. Стыдно очень, но что ж делать, — есть надо. Когда дождь утихнет, бегаю иногда в соседнее местечко к знакомому бистровщику. У него по вечерам под граммофон танцы. Пляшут фокстрот. Должно быть, собачий танец.

Я на задние лапки встану, живот подтяну, верчусь и головой киваю.

Все пары и танцевать бросят… В кружок соберутся и хохочут так, что граммофона не слышно.

И уж такую порцию мяса мне закажут, что я еле домой добираюсь. Да ещё телячью косточку в зубах принесу на завтрак…

Вот до чего ради голода унижаться приходится!

Жаль только, что нет другой маленькой собачки. Мы бы с ней танцевали вдвоём и всегда были сыты.

* * *

Надо записать все свои огорчения, а то потом забуду.

Петух ни с того ни с сего клюнул меня в нос. Я только подошёл поздороваться… Зачем же драться, нахал горластый?! Плакал, плакал, сунул нос в корытце с дождевой водой и до вечера не мог успокоиться…

Зина меня забыла!

В мою чашку с овсянкой забрался чёрный таракан, задохся и утонул. Какая мерзость! Птицы, кроме петухов, туда-сюда; кошки — гадость, но всё-таки звери. Но кому нужны чёрные тараканы?!

На шоссе чуть не попал под автомобиль. Поче-

му он не гудел на повороте?! Почему обрызгал меня грязью?! Кто меня отмоет? Ненавижу автомобили! И не по-ни-ма-ю…

Зина меня забыла!

Спугнул в огороде дикого кролика и налетел на колючую проволоку. Уй-ю-юй, как больно! Зина говорила, что, если порежешься ржавым железом, надо сейчас же смазаться йодом. Где я возьму йод? И йод ведь щиплет — я знаю…

Мыши проели в моём дневнике дырку. Никогда больше не буду любить мышей!

Зина меня забыла…

Сегодня нашел в бильярдной кусочек старого шоколада и съел. Это, правда, не огорчение, а радость. Но радостей так мало, что не могу же я для них отдельную страницу отводить.

Одинокий, несчастный,
холодный и голодный
фокс Микки

Переезд в Париж

Вы любите чердаки? Я — очень. Люди складывают на чердаках самые интересные вещи, а по комнатам расставляют скучные столы и дурацкие комоды.

«Когда сердце моё разрывается от тоски», как говорит Зинина тётя, я прибегаю из голого парка, вытираю о диван лапы и бегу на чердак.

Над стеклом в потолке пролетают воробьи: они

вроде мышей, только с крылышками. «Чик-чивик!» — «Доброе утро, силь ву плэ!»

Потом здороваюсь со старой Зининой куклой. У неё чахотка, и она лежит в пыльной дырявой ванне, задрав кверху пятки. Я её перевернул, чтобы всё было прилично… Поговорил с ней о Зине.

Да, конечно, сердце девочки — одуванчик. Забыла куклу, забыла Микки. А потом у неё появится дочка, и всё начнётся сначала… новая дочка, новая кукла, новая собачка. Апчхи! Как здесь пыльно!

Обнюхал разбитую люстру, лизнул резиновую собачку — у неё, бедной, в животе дыра… разорвал в клочки собачью плётку…

«И скучно, и грустно, и некому лапу пожать!»…

Если бы я был сильнее, я бы отодвинул старую ванну и устроил себе на чердаке комнату. Под раненый диван подставил бы попугайскую клетку: это моя спальня. На китайском бильярде устроил бы себе письменный стол. Он покатый — очень удобно писать!

Уборную устрою на крыше. Это и «гигиенично», и приятно. Буду лазить, как матрос, по лестничке в слуховое окошко.

А намордник свой заброшу в дымовую трубу!!! Апчхи!.. Чихнул — значит, так и будет.

Ай! На шоссе экипаж… Чей? Чей? Чей? И-и-и! Зина приеха…

* * *

Третью неделю живу в Париже — 16, рю д'Ассомпсьон, телефон Отей 12–37. Третий этаж направо. Кордон, силь ву плэ!

Вы бы меня и не узнали: лежу у камина на подушечке, как фарфоровая кошка. Пахнет от меня сиреневым мылом, сбоку зелёный галстук. На ошейнике серебряная визитная карточка с адресом… Если бы я умел говорить, украл бы франк и купил себе манжетки.

Зина в школе… На соседнем балконе сидит преотвратительная собачонка. В ушах пакля, в глазах пакля, на губах пакля. Вообще, какая-то слезливая муфта, мусорная тряпка, собачья слепая кишка, пискливая дрянь! И знаете, как её зовут? Джио-кон-да… Морда ты, морда тухлая!

Когда никого нет на балконе, я её дразню. Ух, как приятно! Становлюсь к ней задом и начинаю дёргать задней ногой: пять минут дёргаю.

Ах, какую она истерику закатывает! Как кот под автомобилем…

— Яй-яй-яй-и! Уй-уй-у-й-о! Ай-ай-ай-э!..

Катышком прибегает её хозяйка, такая же ко-

ротенькая, лохматенькая, пузатенькая, живот на ходу застёгивает и, боже мой, чего она не наговорит:

— Деточка моя, пупупусичка! Кто тебя оби-би-би-дел? Бедные мои глазочки! Чудные мои лапочки! Золотой, дорогой хвостичек!..

А я в комнату со своего балкона спрячусь, точно меня и на свете нет, по ковру катаюсь и лапами

себя по носу бью. Это я так смеюсь.

Внизу, вверху, справа и слева играют на пианино. Я бы им всем на лапы намордники надел!

Зина в школе. И зачем девочке так много учиться? Всё равно вырастет, острижёт волосы и будет на кушетке по целым дням валяться. Уж я эту породу знаю.

Вчера из усадьбы приезжал садовник. Привёз яблоки и яйца. Лучшие отобрал для кухарки (знаем, знаем!), а худшие — для Зининых родителей. Поймите людей: носят очки, носят пенсне, а ничего у себя под носом не видят…

Прокрался в переднюю, встал на стул и положил ему в карман пальто рыбьих кишок… Пусть знает!

* * *

Был с Зиной в синема. Очень взволнован. Как это, как это может быть, чтобы люди, автомобили, дети и полицейские бегали по полотну?! И почему все серые, чёрные и белые? Куда же девались краски? И почему все шевелят губами, а слов не слышно?.. Я видел на чердаке в коробочке засушенных бабочек, но, во-первых, они не двигались, а во-вторых, они были разноцветные…

Вот, Микки, ты и дурак, а ещё думал, что ты всё

понимаешь!

Представление было очень глупое: он влюбился в неё и поехал на автомобиле в банк. Она тоже влюбилась в него, но вышла замуж за его друга. И поехала на автомобиле к морю с третьим.

Потом был пожар и землетрясение в ванной комнате. И качка на пароходе. И негр пробрался к ним в каюту. А потом все помирились…

Нет, собачья любовь умнее и выше!

Непременно надо изобрести синема для собак. Это же бессовестно, — всё для людей: и газеты, и скачки, и карты. И ничего для собак.

Пусть водят нас хоть раз в неделю, а мы, сложив лапки, будем культурно наслаждаться.

«ЧУЖАЯ КОСТЬ»…

«ПОХОРОНЫ ОДИНОКОГО МОПСА»…

«ПУДЕЛЬ БОБ НАДУЛ МЯСНИКА»

(для щенков обоего пола)…

«СНЫ СТАРОГО ДОГА»…

«СЕНБЕРНАР СПАСАЕТ ЗАМЁРЗШУЮ ДЕВОЧКУ»

(для пожилых болонок)…

«ПОЛИЦЕЙСКАЯ СОБАКА ФУКС ПОСРАМЛЯЕТ ПИНКЕРТОНА»

(для детей и для собак).

Ах, сколько тем, Микки!.. Ты бы писал собачьи сценарии и ни в ком не нуждался.

Новый стишок:

На каштанах надулись почки, —
Значит, скоро весна.
У Зининой мамы болят почки,
Поэтому она грустна…

Главный собачий
фильм-директор фокс Микки

На пляже

Ах, как переменилась моя жизнь! Зина влетела в комнату, хлопс — сделала колесом реверанс, ручки — птичками, глазки вниз и ляпнула:

— Микки! Мой обожаемый принц… мы едем к морю.

Я сейчас же полетел вниз, к консьержкиной болонке. Она родилась у моря и очень симпатично ко мне относится.

— Кики, муфточка… меня везут к морю. Что это такое?

— О! Это много-много воды. В десять раз больше,

чем в люксембургском фонтане. И везде сквозняк. Моей хозяйке было хорошо, она могла затыкать уши ватой… Море то рычит, то шипит, то молчит. Никакого порядка! За столом очень много рыбы. Дети копаются в песке и наступают собакам на лапы. Но ты фокс: тебе будут бросать в воду палки, и ты их будешь вытаскивать…

— Чудесно!

— А когда ты устанешь, всегда возле моря на горке есть лес. Будешь разрывать кротовые норки и кататься по вереску.

— Это что за штука?

— Травка такая курчавенькая. Вроде бороды. Лиловенькие цветочки, и пахнет скипидарчиком.

— Ну, спасибо! Дай лапку. Что тебе привезти с моря?

— Утащи у какой-нибудь девчонки тёпленький шарфик. Мой уже износился.

— Кики, я честный! Я не могу. Но сегодня у нас гости, я стащу для тебя шоколадного зайца.

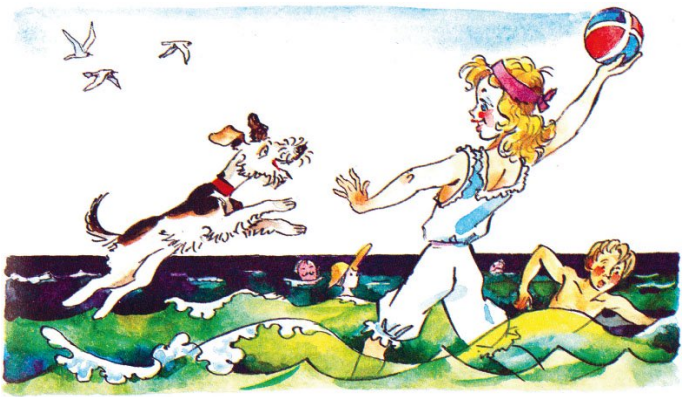
— Мерси. Прощай, Миккочка…

Она ушла в угол и вытерла глаза о портьеру. Кажется, она в меня влюблена.

* * *

«В десять раз больше люксембургского фонтана…» У этих болонок нет никакого глазомера. В двадцать раз больше! До самого неба вода и больше ничего. И солёная, как селёдка… Почему солёная? Дождик ведь пресный, и ручеёк в лесу, который всё время подливает в море воду, тоже пресный. А?

Люди ходят голые, в полосатых и чёрных попонках. В дырки снизу вставляют ноги. Пуговицы на плече. Вообще — глупо. Я, слава богу, купаюсь без костюма. Ах, что мы с Зиной выделываем в воде! Я лаю на прибой, а она бросает в меня мячик… Но он большой и скользкий, а рот у меня маленький. И никак его, чёрта, не прокусишь! Гав!

Подружился со всеми детьми. Есть такие маленькие, что даже не могут сказать «Микки» и зовут меня: «Ми»! Сидят голенькие на песке и пускают пузыри. А один всё старается себе ногу в рот засунуть. Зачем?..

Я бегаю, вытаскиваю из воды детские кораблики, прыгаю через их песочные постройки, гоняюсь вперегонки с пуделем Джеком, и весь берег меня знает. Какой чудный фокс! Чей это фокс? Зинин? Замечательный фокс!..

Вчера подсмотрел. У детей никаких хвостиков нет. Напрасно я сомневался…

* * *

Теперь про взрослых. Мужчины ходят в белых костюмчиках. Полдня курят. Полдня читают газеты. Полдня купаются. Полдня снимаются. Плавают хорошо, но очень далеко заплывают. Я слежу с купальной лестницы и всё волнуюсь: а вдруг утонет… Что я тогда должен делать?

Очень хорошо прыгают в воду с мостика. Руки по швам, голову вперёд — и бум! Перевернётся в воздухе рыбкой, руки вниз и прямо в воду… Пена… Никого нет… И выплывет совсем в другом месте.

Я тоже взобрался на мостик и страшно-страшно хотел прыгнуть. Но так высоко! И так глубоко! Задрожал и тихонько спустился вниз. Вот тебе и Микки…

Дамы всё переодеваются и переодеваются. Потом раздеваются, потом опять переодеваются. Купаться не очень любят. Попробует большим пальцем правой ноги воду, присядет, побрызгает на себя водой и лежит на берегу, как индюшка в гастрономической витрине.

Конечно, есть и такие, которые плавают. Но они больше похожи на мальчиков. Вообще, я ничего не понимаю.

Сниматься они тоже любят. Я сам видал. Одни лежали на песке. Над ними стояли на коленках другие. А ещё над ними третьи стояли в лодке. Называется: группа…

Внизу фотограф воткнул в песок табличку с названием нашего курорта.

И вот нижняя дама, которую табличка немножко заслонила, передвинула её тихонько к другой даме, чтобы её заслонить, а себя открыть… А та передвинула назад. А первая — опять к ней. Ух, какие у них были злющие глаза!

Стишок:

Когда дамы снимаются
И заслоняются,
Они готовы одна другой
Дать в глаз ногой!..

Да! Что я узнал!.. Море иногда сходит с ума и уходит. Курорт ему надоедает или что, я не знаю. И на песке всякие ракушки, и креветки, и слизняки… Зина говорит, что это всё морские глисты. А потом море соскучится и приходит назад. Назы-

вается «прилив — отлив».

Здешнее море люди почему-то называют океаном.

Я было как-то погнался за морем, когда оно уходило, но Зина привязала меня чулком к скамейке. Нелюбознательная девочка!

Вчера познакомился в соседнем русском пансионе с кухаркой Дарьей Галактионовной. Руки у неё толстые, как итальянская колбаса, но, в общем, она миленькая. Называет меня «Микитой» и всё ворчит, что я с пляжа в кухню ей песок на лапах таскаю.

Песок вымести можно! Экая важность…

* * *

Еда так себе. Хотя я не интересуюсь: дети меня кормят шоколадом, котлетками и чем только хотите. Зина всё просит, чтобы я так много не ел, а то у меня сделается ожирение сердца и меня придётся везти в Мариенбад.

А что, если бы был курорт для фоксов? Фоксенбад!

Вот бы там открыть собачий кинематограф… Собачьи скачки, собачью рулетку, собачью санаторию для подагрических бульдогов… Умираю от злости! Почему, почему, почему для нас ничего

не делают?

Кошек здесь нет. Ни одной кошки. Ни полкошки. Ни четвертькошки… Неужели они все пошли на котлетки? Брр!

Нет, нет, я бегал на кухню, смотрел: куры, телячье мясо, баранина… А то бы я из курорта куда глаза глядят убежал!

Зина вчера мне устроила лунное затмение. Луна была такая круглая, огромная, бледная… Совсем как живот у нашего хозяина пансиона. Я задумался, загрустил и чуть-чуть-чуть подвыл. Только две-три нотки… А Зина взяла и надела мне на голову купальные штаны.

— Ты, — говорит, — не имеешь права после десяти часов выть!..

Но, во-первых, у меня нет часов и даже кармана для них нет… А во-вторых… настроение от часов не зависит.

Хотел послать Кики открытку с приветом… Но консьержка ревнивая — не передаст.

Чудный и замечательный
фокс Микки

В Зоологическом саду

У Зининого папы всегда «дела». У людей так уж заведено: за всё нужно платить. За виллу, за зонтик, за мясо, за булки, за ошейник… и даже, говорят, скоро на фоксов двойной налог будет.

А чтоб платить — нужны деньги. Деньги бывают круглые, металлические, с дырочками — это су. Круглые без дырочек — это франки. И потом разные — бумажные. Бумажные почему-то дороже и начинаются с пяти франков. Деньги эти как-то «падают», «поднимаются» — совершенно глупая история, но я не человек и меня это не касается.

Так вот, чтоб иметь деньги, надо делать «дела». Поняли? И Зинин папа поехал на неделю в Париж, взял с собою Зину, а Зина — меня.

И пока её папа «бегал» по делам (он почему-то по делам всегда бегает, никогда не ходит), Зина взяла меня на цепочку, села в такси (почему оно так скверно пахнет?) и поехала в Зоологический сад.

Сад! Совсем не сад, а просто тюрьма для несчастных животных. Подождите минуточку: у меня на спине сидит блоха… поймаю и расскажу всё

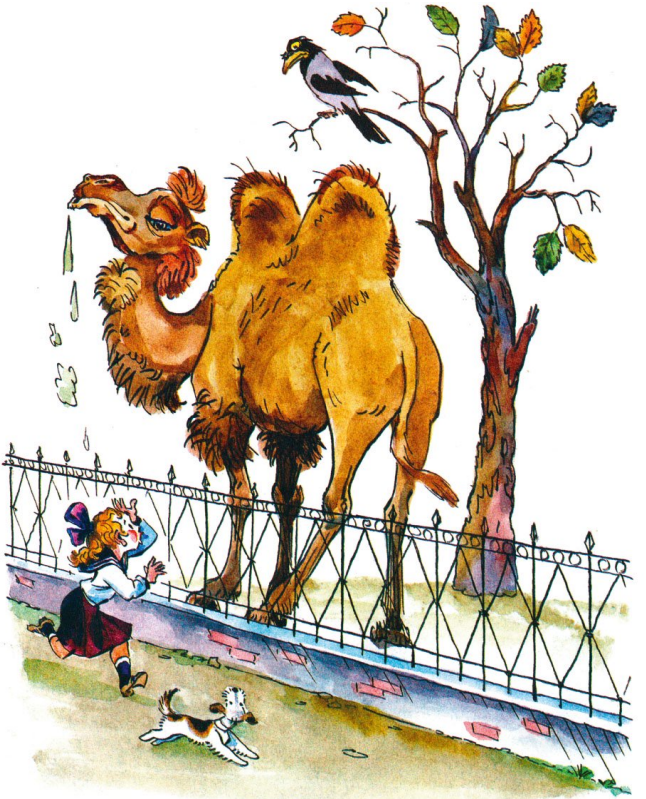
по порядку.

* * *

Когда я был совсем куцым щенком, Зина мне про этот сад рассказывала: «Какой там носорог! И какая под ним грязь! А ты, Микки, не хочешь умываться… Стыдно!»

И всё неправда. Носорога нет. Или подох со скуки, или убежал в город и скрывается в метро, пока его не раздавят…

Но зато видел верблюда. Он похож на нашу консьержку, только губа больше и со всех сторон шерсть. Мало ему горба на спине, так у него даже колени горбатые! Питается колючками и, кажется, уксусом. Я бы ему граммофонных иголок дал! Он, негодяй, когда Зина дала ему булочку, фыркнул, булку слопал и плюнул ей на бант! Был бы ты на свободе, я бы тебе показал…

Белая медведица очень миленькая. Сидит в ре-де-шоссе в каменной ванне и вздыхает. Свиньи какие! Хотя бы её на лёд посадили или на мороженое, ведь ей жарко!

Маленький мальчик бросил ей бисквит. Она вылезла, отряхнулась, вежливо приложила лапку ко лбу и съела. Будет она сыта, как же! И мальчик второй бисквит ей на мелкие кусочки накрошил: боялся, видно, чтобы она не подавилась. Воробьи всё и склевали. Ну за что — за что её держат в тюрьме? У Зины есть старый плюшевый Мишка. Непременно завтра притащу и брошу медведице: пусть будет ей вместо сына…

* * *

Обезьян совсем, совсем не жалко! Они страшные морды, и я их вовсе не трогал. Подошёл и только немножко отвернулся вбок: ужасно скверно они пахнут… Кислой резинкой, тухлой килькой и ещё каким-то маринованным поросячьим навозом.

Одна посмотрела на меня и говорит другой: «Смотри, какой собачий урод…»

Я? Гав, идиотка! Я… урод?! А ты-то что же?..

Побегу в Зинин шкафчик, понюхаю валерьяновую пробку. Как у меня колотится сердце!..

Тигр — противный. Большая кошка, и больше ничего. Воображаю, если его пустить в молочную. Целую ванну сливок выпьет, не меньше. А потом съест молочницу и пойдёт в Булонский лес отдыхать.

Лев — славненький… Один совсем старичок. Под кожей складки, лысый и даже хвостом не дрыгает. Зина читала как-то, что лев очень любит, если к нему в клетку посадить собачку. Пять разорвёт, а с шестой подружится. Я думаю, что лучше быть… седьмой — и гулять на свободе.

Есть ещё какие-то зубры. Мохнатый, рогатый, голова копной. Зачем такие водятся? Ни играть с ним, ни носить его на руках нельзя… Вообще на свете много лишнего.

Дикобраз, например. Ну куда он годится? Камин им чистить, что ли? Или кенгуру… На животе у неё портмоне, а в портмоне кенгурёнок. А шкура у неё, кажется, застёгивается на спине, как Зинин лифчик. Ерунда!

Слава богу, что я фокс! Собак в клетки не сажают. Хотя бы некоторых следовало: бульдогов и разных других догов. Очень несимпатичные собаки! И почти дикие. У нас напротив живёт бульдог Цезарь, так он непременно норовит перед нашей дверью сделать пакость. Надо будет

ему отомстить. Как?.. Очень просто. У них ведь тоже есть дверь...

Людей в клетках не видал. А уж нашего садовника не мешало бы посадить! С кухаркой вместе. Написать: «Собачьи враги». И давать им в день по кочану капусты и по две морковки — больше ни-ни. Почему они меня не кормили? Почему сами крали и яйца, и сливки, и коньяк, а меня за каждую несчастную косточку ногой шпыняли?

Видел змей. Одна, большая и длинная, как пожарная кишка, посмотрела на меня и прошипела: «Этого, пожалуй, не проглотишь!» Скотина… Так тебе и позволили живых фоксов глотать!

У слона два хвоста — спереди и сзади, и рога во рту… И пусть меня сто раз уверяют, что это «хобот» и «клыки», я говорю: хвост и рога! Зина решила, что если посмотреть на мышь в телескоп, то получится слон. А что такое телескоп, пёс его знает!

Да… Птицы, оказывается, бывают ростом с буфет. Страусы!.. И на хвосте у них такие же перья, как в альбоме у Зининой бабушки на шляпе. Перьев этих теперь больше не носят, молока страусы не дают, значит, надо их просто зажарить, начинить каштанами и съесть! Ты бы, Микки, хотел страусовую лапку погрызть? Что ж, я любопытный…

Поздно. Надо идти спать. А в голове карусель: обезьяньи зады, верблюжьи горбы, слоновые перья и страусовые хоботы…

Пойду ещё понюхаю валерьяновую пробочку. Сердце так и стучит… Как мотоциклет…

Тошнит! Ик… Где кухаркина умывательная чашка?!

Мокс Фикки

Как я заблудился

Карандаш дрожит в моих зубах… Ах, что случилось! В кинематографе это называется «трагедия», а по-моему, ещё хуже.

Мы вернулись из Парижа на пляж, и я немножко одурел. Носился мимо всех кабинок, прыгал через отдыхающих дам, обнюхивал знакомых детей — душечки! — и радостно лаял. К чёрту Зоологический сад, да здравствует собачья свобода!

И вот… допрыгался. Повернул к парку, нырнул в какой-то зелёный переулок, попал в чужой огород — растерзал старую туфлю, оттуда в поле, оттуда на шоссе — и всё погибло! Я заблудился… Сел на камень, задрожал и потерял «присутствие духа». До сих пор я не знал, что такое это «присутствие»…

Обнюхал шоссе: чужие подмётки, пыль, резина и автомобильное масло… Где моя вилла? Домики вдруг стали все одинаковые, дети у калиток, словно мыши, сделались похожи друг на друга. Вылетел к морю: другое море! И небо не то, и берег пустой и шершавый… Старички и дети обдирали со скалы устриц, никто на меня и не взглянул. Ну, конечно, идиотские устрицы интереснее

бездомного фокса!

Песок летит в глаза. Тростник лопочет какой-то вздор. Ему, дураку, хорошо — прирос к месту, не заблудится… Слёзы горохом покатились по морде. И ужаснее всего: я голый!

Ошейник остался дома, а на ошейнике мой адрес. Любая девчонка (уж я бы устроил!) прочла бы его и отвела меня домой. Ух! Если бы не отлив, я бы, пожалуй, утопился…

Примечание: и был бы большой дурак, потому что я всё-таки отыскался.

* * *

Перед жёлтым забором у палисадничка прислонился к телеграфному столбу и опустил голову. Я видел на картинке в такой позе заблудившуюся собачку, и поза эта мне очень понравилась.

Что ж, я не ошибся. В калитке показалось розовое пятно. Вышла девочка (они всегда добрее мальчиков) и присела передо мной на дорожке.

— Что с тобой, собачка?

Я всхлипнул и поднял правую лапку. Понятно и без слов.

— Заблудилась? Хочешь ко мне? Может быть, тебя ещё и найдут… Мама у меня добрая, а с папой справимся.

Что делать? Ночевать в лесу… Разве я дикий верблюд? В животе пусто.

Я пошёл за девочкой и благодарно лизнул её в коленку. Если она когда-нибудь заблудится, непременно отведу её домой…

— Мама! — запищала она. — Мамочка! Я привела Фифи, она заблудилась. Можно её пока оставить у нас?

О! Почему «Фифи»?! Я Микки, Микки! Но я, у которого такие прекрасные мысли, не могу ведь и полслова сказать на их человеческом языке… Пусть. Кто сам себе яму копает, тот в неё и попадает…

Мама надела пенсне (будто и без пенсне не видно, что я заблудился!) и улыбнулась:

— Какая хорошенькая! Дай ей, дружок, молока с булкой. У неё очень порядочный вид… А там посмотрим.

«У неё»… «У него», а не у неё! Я же ведь мальчик. Но ужасно хотелось есть, надо было покориться.

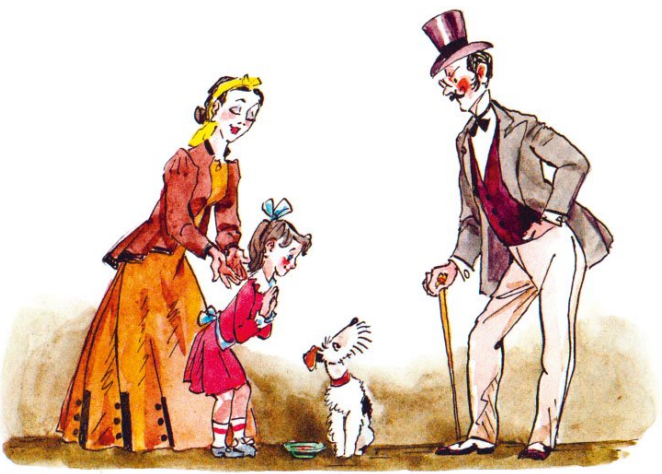
Ел я не торопясь, будто одолжение им делал. Вы угощаете? Спасибо, я съем. Но, пожалуйста, не подумайте, что я какой-нибудь голодный бродячий пёс.

Потом пришёл папа. Почему эти папы всюду суют свой нос, не знаю…

— Что это за собака? Что у тебя, Лили, за манера тащить всех зверей к нам на виллу? Может быть, она чахоточная… Пойди, пойди прочь отсюда! Ну!

Я? Чахоточная?

Девочка расхныкалась. Я с достоинством сделал шаг к калитке. Но мама строго посмотрела на папу. Он был дрессированный: фукнул, пожал плечами и пошёл на веранду читать свою газету. Съел?

А я встал перед мамой на задние лапки, сделал три па и перепрыгнул через скамеечку. Гоп! Вперёд, тур вокруг комнаты и назад…

— Мамочка, какой он умница!

Ещё бы. Если бы я был человеком, давно бы уже профессором был.

* * *

Новый папа делает вид, что меня не замечает. Я его — тоже… Во сне видел Зину и залаял от радости: она кормила меня с ложечки гоголь-моголем и говорила: «Ты моё сокровище… если ты ещё раз заблудишься, я никогда не выйду замуж».

Лили проснулась — в окне белел рассвет — и свесила голову с кроватки.

— Фифи! Ты чего?

Ничего. Страдаю. Кошке всё равно: сегодня Зина, завтра Лили. А я честная, привязчивая собака…

Второй день без Зины. К новой девочке пришёл в гости толстый мальчик — кузен. У собак, слава богу, кузенов нет… Садился на меня верхом, чуть не раздавил. Потом запряг меня в автомобиль, — а я упёрся! Собаку? В автомобиль?! Тыкал моими лапами в пианино. Я всё снёс и из вежливости даже не укусил его…

Лилина мама меня оценила и, когда девочка опрокинула тарелку с супом, — показала на меня:

— Бери пример с Фифи! Видишь, как она осторожно ест…

Опять Фифи! Когда что-нибудь не нравится, говорят: «фи!»

Фи-фи, значит, когда совсем не нравится? Придумают же такое цыплячье имя…

Я нашёл под шкапом кубики с буквами и сложил: «Микки». Потянул девочку за юбку — читай! Кажется, ясно. А она ничего не поняла и кричит:

— Мама! Фифи умеет показывать фокусы!

— Хорошо. Дай ему шоколаду.

Ах, когда же, когда же меня найдут? Побежал даже в мэрию. Быть может, Зина заявила туда, что я потерялся. Ничего подобного. На пороге лежала лохматая дворняжка и зарычала:

— Р-рав! Ты куда, бродяга, суёшься?

Я?! Бродяга?! Мужик ты несчастный!..

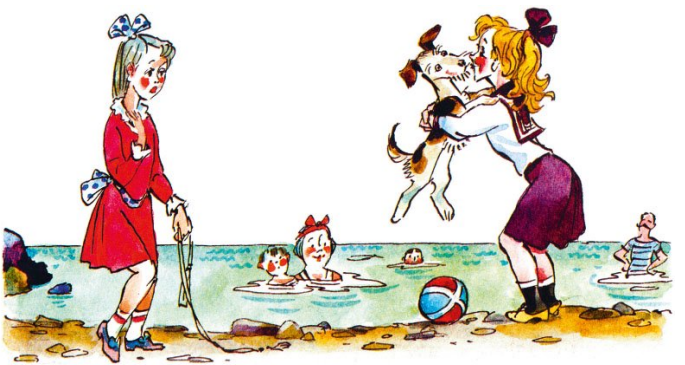
Счастье твоё, что я так воспитан, что с дворнягами в драку не лезу…

* * *

«Гора с плеч свалилась»… Куда она свалилась, не знаю, но словом… я нашёлся!

Лили вышла со мной на пляж. И вдруг вдали лиловое с белым платьице, полосатый мяч и светлые кудряшки. Зина!!

Как мы целовались, как мы визжали, как мы плакали!

Лили тихонько подошла и спросила:

— Это ваша Фифи?

— Да! Только это не Фифи, а Микки...

— Ах, Микки! Извините, я не знала. Позвольте

вам её передать. Она заблудилась, и я её приютила.

А у самой в глазах «трагедия».

Но Зина её утешила. Поблагодарила «очень-очень-очень» и обещала приходить со мной в гости. Они подружатся, уж я это по глазам заметил.

Я, разумеется, послужил перед Лили и передние лапки накрест сложил: «Mersi! Очень-очень-очень...»

И пошёл сконфуженный за Зиной, ни на шаг не отходя от её милых смуглых ножек.

Микки

В цирке

У нашего вокзала появились длинные дома на колёсах. Не то фургоны, не то вагоны. Красные, с зелёными ставеньками, над крышей труба, из трубы дым. На откидной ступеньке одного дома сидел карлик с огромной головой и красными глазами и мрачно курил трубку. А в глубине двора тоже вагоны-дома, но с решётками, и пахло от них густо-прегусто зоологическим садом.

На афишах чудеса… Три льва прыгают через укротительницу, а потом играют с ней в жмурки. Морж жонглирует горящей лампой и бильярдными шарами. Морж — такой неповоротливый дурак… кто бы подумал! Знаменитый пудель Флакс решает задачи на сложение и вычитание… Важность какая… Я и делить, и умножать умею… Однако в знаменитости не лезу. Мисс Каравелла исполнит на неосёдланном жеребце джигу — матросский танец. Негр Буль-Пуль… Стоп! Не надо забегать вперёд, Микки, а то совсем спутаешься, — что это за собачья привычка такая!

* * *

Зинин папа взял нам ложу: мне и Зине. Ложа — это такая будка, вроде собачьей, но без крыши. Обита красным вонючим коленкором. Стулья складные и жёсткие, потому что цирк походный.

Оркестр ужасный! Я вообще музыки не выношу, особенно граммофона. Но когда один, скелет, плюёт в флейту, а другой, толстяк, стоймя поставил огромную скрипку и ёрзает по ней какой-то линейкой, а третий лупит палками по барабану, локтями о медные линейки и ногами в большой пузатый бубен, а четвёртая, лиловая курица, разъезжает взад и вперёд по пианино и подпрыгивает… О! «Слуга покорный», — как говорит Зинин холостяк дядя, когда ему предлагают жениться.

Клоуны — просто раскрашенные идиоты. Я думаю, что они напрасно притворяются, будто они нарочно идиоты, наверно, такие и есть. Разве станет умный человек подставлять морду под пощёчину, кататься по грязным опилкам и мешать служителям убирать ковёр? Совсем не смешно. Одно мне понравилось: у того клоуна, у которого сзади было нарисовано на широких штанах солнце, чуб на голове вставал и опускался… Ещё ухо,

я понимаю, но чуб! Очень интересный номер!

Жеребец — толстяк, а что он неосёдлан, совсем не важно. У него такая широкая спина, даже с выемкой, что пляши на ней, как на хозяйской постели, сколько хочешь. Прыгал он лениво. Словно вальсирующая корова… А мисс Каравелла всё косилась трусливо на барьер и делала вид, что она первая наездница в мире. Костюм славненький: вверху ничего, а посредине зелёный и жёлтый бисер. И зачем она так долго ездила? Жеребец под конец так вспотел, что я расчихался. Неинтересно.

Потом поставили круглую решётку, подкатили к дверям клетку, и вышли львы. Вышли… и зевают. Хорошие дикие звери! Зина немножко испугалась (девчонка!), но ведь я сидел рядом. Чего же бояться?

Львы долго не хотели через укротительницу прыгать: уж она их упрашивала, и под шейкой щекотала, и на ухо что-то шептала, и бичом под брюхо толкала. Согласились — и перепрыгнули. А потом завязала им глаза белыми лентами, взяла в руки колокольчик и стала играть с ними в жмурки. Один лев сделал три шага и лёг. Другой понюхал и пошёл за ней… Обман! Я сам видел — у неё в руке был маленький кусочек мяса…

Неинтересно!

Выходило ещё голландское семейство эквилибристов. Папа катался на переднем колесе

велосипеда (отдельно!), мама на другом колесе (тоже отдельно!), сын скакал верхом на большом мяче, а дочка каталась на широком обруче задом наперёд… Вот это здорово!

Потом летали тарелки, ножи, лампы, зонтики, мальчики и девочки. Ух! Я даже залаял от радости. А под конец всё семейство устроило пирамиду. Внизу папа и мама, на плечах две дочки, у них на плечах мальчик, у него на плечах собачка, у собачки на плечах… котёнок, а у котёнка на плечах… воробей! Трах! И всё рассыпалось, закувыркалось по ковру и убежало за занавеску… Браво! Бис! Гав-гав-гав!

* * *

В антракте было ещё веселей. Антракт — это когда одно кончилось, а другое ещё не началось.

И вот взрослые с детьми постарше пошли за занавеску смотреть лошадей и прочих млекопитающихся, а самые крошечные дети вылезли из всех лож и углов на арену и устроили свой собственный цирк.

Девочка с зелёным бантом изображала дрессированную лошадь и на четвереньках гарцевала по барьеру: голова набок, а сама всё правой ножкой брыкала. Мальчишки, конечно, были львами

и, пожалуй, свирепее настоящих — рычали, плевались, кусались и бросали друг в дружку опилками. Двое даже подрались — один другого шлёпнул, — шлёпают же клоунов, — а тот ему сдачи… И оба заревели, совсем уж не по-клоунски… А я носился по всей арене и хватал их всех (шутя, конечно!) за коленки.

Вышел карлик в сиреневом сюртучке с медными пуговицами и зазвонил в колокольчик. Дзинь-дзинь! Долой с арены — представление продолжается! Один из «львов», совсем ещё маленький мальчик, ни за что не хотел уходить. И пришла его мама из ложи, взяла льва на руки, шлёпнула и унесла на место. Вот тебе и лев!

* * *

Морж — молодец. Вернусь на нашу виллу и непременно попробую жонглировать горящей лампой. У меня, правда, не такой широкий нос… Ну, что ж, возьму маленькую лампочку…

Я побежал за занавеску: оказывается, у моржа в загородке есть цинковая ванна, а после представления ему дают живую рыбу, бутерброд с рыбьим жиром и рюмку водки. Здорово!

Да, что я ещё заметил! Под края циркового шатра подлезают бесплатные мальчишки и смотрят на представление... А карлик бегает кругом и хлопает их прутом по пяткам.

Негр Буль-Пуль вроде сумасшедшего. Играл на метле «марш пьяных крокодилов», аккомпанировал себе на собственном животе, а ногами выделывал такие штуки, точно у него было четыре пары лап... И пахло от него корицей и жжёной пробкой. Фи!

Потом вышел «факир». Факир — это человек,

который сам себя режет, а ему даже приятно и кровь не идёт. Он себя, должно быть, замораживает перед представлением. Проткнул себе губы вязальной спицей, под мышку вбил гвоздь… Я даже отвернулся. Нервы не выдержали… А самое ужасное: он взял у толстого солдата из публики никелевые часы, проглотил их, только кончик цепочки изо рта болтался, — и попросил публику послушать, как у него в груди часы тикают. Ужас! Кожа по морозу подирается!

Кажется, всё. На закуску вылетела на арену крохотная мохнатая лошадка с красной метёлкой над головой и с колокольчиками. Я и не знал, что есть такая порода лошадиных болонок! Она так чудесно прыгала сквозь обруч, становилась на задние лапки и брыкалась, что Зина пришла в восторг. Я тоже.

Удивляюсь, почему Зинин папа не купит ей такую лошадку… Запрягли б мы её в шарабанчик и катались по пляжу. Это тебе не на осле черепашьим шагом топтаться!.. И все бы очень удивлялись, и я бы получал много сахару…

«Кто едет?» — «Микки с Зиной!»

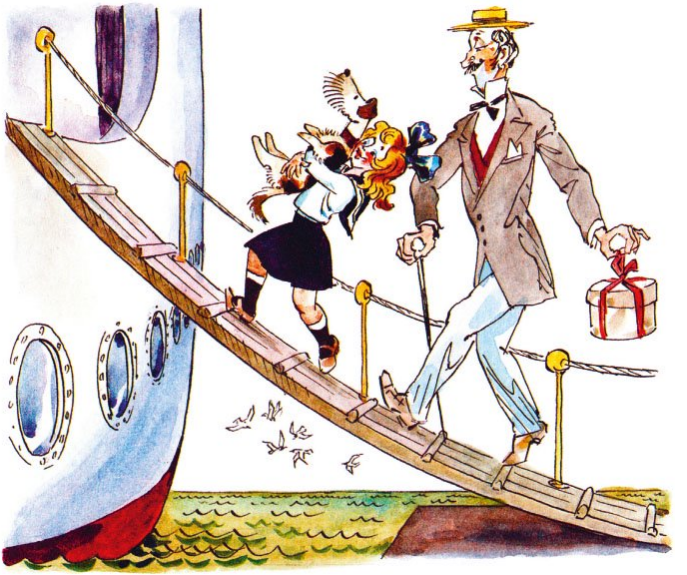
«Чья лошадка?» — «Миккина с Зиной!»

Чудесно!

Устал. Больше не могу… Вот сейчас только подпишусь и побегу на пляж играть в цирк. Бум-бум!

Знаменитый укротитель догов
и бульдогов, эквилибрист и наездник
фокс Микки

Проклятый пароход

У курортной пристани качался белый дом-пароход. Труба, балкончик для капитана, внизу круглые окошечки, чтобы рыбы могли заглядывать в каюты. Спереди нос острый, сзади — тупой... Вода подшлёпывает снизу, верёвка

скрипит, из пароходной печки — дым.

«Гу-гу!» Фу, как труба противно лает. Все затыкают уши, а я не могу… Зина берёт меня на ручки — я дрожу, доски под нами тоже дрожат, — и несёт меня на эту противную штуку. Сзади — папа.

Прогулка! Мало им места на земле… Я хоть плавать умею, а они что будут делать в своих ботинках и чулках, если дом перевернётся?

Люди шли — шли — шли. Чистые костюмчики, из карманов — платочки (зубных щёток в петличках, слава богу, ещё не носят!), — и все толкаются, и все извиняются. Пардон! А ты не толкайся, и пардона твоего не нужно, а то все лапы отдавили…

Сели на скамейки по бокам и вверху, и внизу, как воробьи на телеграфных проволоках… Небо качается, улица качается, и наш пол качается. И я совсем потерял центр тяжести, присел на пол и распластался, как лягушка на льду.

Так мучить сухопутного фокса! За что?!

«Гу-гу-гу!»

Поехали. Все машут лапами, посылают безвоздушные поцелуи. Подумаешь… На три часа уезжаем, и такое лицемерие. Подкрался к загородке посреди парохода и посмотрел вниз: железные лапы ходят, чмокают и переворачи-

ваются, а главная нога, вся в масле, вокруг себя пляшет… Машина. «Чики-фуки, фуки-чики, пики-Микки, Микки-пики…» Да остановись ты хоть на минутку!!

* * *

Пока шли проливчиком — ничего. А потом заливчик, а потом… ух! Там море, тут море, небо с водой кругом сошлось, горизонты какие-то со всех сторон появились… Разве так можно? А земля где? За пароходом — белый кипяток, чайки вперегонку за нами летят и кричат, как голодные котята… Столько рыбы в море, целый день обедать можно, чего им ещё надо?

Ну что ж, раз прогулка, нечего под скамейкой пресмыкаться. Пошёл по ногам, ноги вежливо раздвигаются. Пардон, силь ву пле. (Извините, если вам нравится!)

У матросов деревянные башмаки — корабликами, у пассажиров обыкновенные, белые и жёлтые туфли. Практично и симпатично. А у дам, что ни ноги, то другой фасон: с бантиками, с пряжечками, с красной решёткой, с зелёными каблучками… Кто им эти фасоны выдумывает?..

Был у капитана на балкончике. Старенький, толстенький, борода, как у рождественского деда,

глазки голубенькие. Расставил ноги и забавляется: повернёт колесо с палками в одну сторону, потом в другую, потом в третью, а сам в трубку рычит: «Доброе утро! — полдоброго утра! — четверть доброго утра!»

А может быть, я и напутал.

Нашёл кухню. Пол себе качайся, а она своё дело делает. Варит.

Повар сунул мне в нос омара… но я на него так посмотрел, что ему стыдно стало, и он высморкался (повар).

А пол всё подымается, волны, как бульдоги, со всех сторон морды в пене, и все на меня кивают. Ай! Подымается, опускается. Смейся! Посади-ка краба на сушу, небось ему тоже будет несладко. Ветер свистит и выворачивает уши наизнанку. Ай!..

У нашего соседа слетела в воду шляпа. «Свежеет!» — успокоил его Зинин папа. Дуреет, а не свежеет... Ба-бах! Ба-ба-бах!

Я прижался к ногам незнакомой старухи, закрыл глаза и тихонько-тихонько визжал: «Море! Золотое моё море... Ну, перестань, ну, успокойся!

Я никогда больше не поеду. Я маленький фокс, ничтожная собачка, за что ты на меня сердишься? Я никогда тебя не трогал, никогда на тебя не лаял (ух, как я врал!)…»

Да, так оно тебе и перестанет. И вот я вышел из себя. Вспрыгнул на скамейку, повернулся к морю спиной и наступил лапой на спасательный круг. На всякий случай, если бы пришлось спасать Зину, её папу и капитана. Повар пусть тонет… Злой фокс. Зачем я пишу такие гадости? Спас бы и повара, пёс с ним…

* * *

Всё? Нет, не всё! Жадные сухопутные люди не знают уже, что и придумать. Мало им берега, леса, поля, шоссе. Летать им надо! Сели на бензинную этажерку… и полетели. Даже смотреть страшно. Но ведь летают отдельные сумасшедшие, у них, верно, нет родителей, и некому их остановить. А по морю катаются все: дети, мамы, папы, дедушки и даже грудные младенцы. Вот судьба («судьба» — это вроде большой злой летучей мыши) их и наказывает…

Качались и докачались. Собаки, говорят, себя нехорошо ведут. Ага! Собаки… Посмотрели бы вы, как ведут себя на пароходе люди в новых

костюмчиках, с новыми платочками в карманах, когда начинается качка!

Я закрывал глаза, старался не дышать, нюхал лимонную корочку… Бррр!

Но Зина — молодец. И её папа — молодец. И капитан — молодец… А я… лучше не спрашивайте.

* * *

Когда показалась земля, миленькая зелёная земля, твёрдая земля с домиками, собачками, мясными лавками и купальными будками, я завизжал так пронзительно, что перекричал даже пароходный гудок.

Клянусь и даю честное собачье слово, что лапа моя никогда на пароходе больше не будет! Почему меня всюду за собой таскают?.. Завтра Зинин папа затеет прогулку на облаках, так я с ними летать должен?! Пардон! Силь ву пле! (Извините, если вам нравится!)…

Ага! Так и знал. Этот невозможный папа подцепил рыбака и заказывает ему на завтрашнюю ночь барку с луной и рыбной ловлей...

На луну я и с берега посмотрю, а рыбу — кушайте сами...

Море сегодня, правда, тихое, — знаем мы эту тишину. Но в комнате ещё тише. Пол не качается, потолок не опрокидывается, пена не лезет в окошко, и люди вокруг не зеленеют и не желтеют. Брр!..

Старый морской волк —
фокс Микки

Возвращаюсь в Париж и ставлю большую точку

На веранде стояли чемоданы: свиной кожи, крокодиловой кожи и один маленький… брр!.. кажется, собачьей. В палисаднике жёлтые листья плясали фокстрот.

Я побежал к океану: «Прощай!..» — «Бумс!»

Фи, какой невежливый. С ним прощаются, а он водой в морду…

От полотняных купальных будок одни рёбра остались. Небо цвета грязной собаки. Астры висят головами вниз: скучают. Прощайте, до свидания! Хоть вы и без запаха, но я вас никогда, никогда не забуду…

Простился с лесом. Он, верно, ничего не понял: зашумел, залопотал… Что ему маленький живой Микки?

Простился с лавочницей. Она тоже скучная. Сезон кончился, а тухлые кильки так и не распроданы.

Чемоданы всю дорогу толкались и мешали мне думать. Зина серьёзная, как наказанный попугай. Выросла, загорела. В голове уроки, подруги и переводные картинки, — на меня ни разу не взглянула…

И не надо! Что это за любовь такая по сезонам? Подружусь вот в Париже с каким-нибудь порядочным фоксом — и «никаких испанцев» (очень я люблю глупые человеческие слова повторять!)…

* * *

Приехали. Риехали. Иехали. Ехали. Хали. Али. Ли. И… Это я так нарочно пишу, а то лапа совсем

затекла.

Консьержкина собачонка посмотрела на меня с порога и отвернулась. Герцогиня какая! Ладно… Я тоже умею важничать. Вот повезут меня на собачью выставку, получу первую золотую медаль, а ты лопайся от зависти в консьержкиной берлоге.

Совсем отвык от мебели. Тут буфет, там полубуфет, кровати шире парохода — хоть бы лестнички к ним приставили… Гадость какая! А они ещё хотят внизу у мебельщика старую шифоньерку купить! Красного дерева. Пусть хоть лилового, грош ей цена.

Ах, как тесно в квартире! Горизонт перед носом, лес в трёх вазонах, перескочить можно. И попрыгать не с кем. Зина в школе, тропики какие-то изучает. Кухарка сердитая и всё губы мажет. Вот возьму и съем твою помаду, будешь с белыми губами ходить!

На балконе коричневые листики корчатся и шуршат. Воробей один к нам повадился прилетать. Я ему булочку накрошил, а он вокруг моего носа прыгает и клюёт.

Вчера от скуки мы с ним поболтали.

— Ты где живёшь, птичка?

— А везде.

— Ну, как везде?.. Мама и папа у тебя есть?

— Мама в другом аррондисмане, а папа в Сен-Клу улетел…

— Что же ты одна делаешь?

— Прыгаю. Над скверико́м полетаю, на веточке посижу. Вот ты у меня завёлся: крошками кормишь. Хорошо!

— Не холодно тебе? Ведь осень…

— Чудак, да я ж вся на пуху. Чивик! Воробьи на углу дерутся… Эй-эй, подождите! Я тоже подраться хочу…

Фурх — и улетел. Боже мой, боже мой, почему у меня нет крыльев?..

* * *

Дрожу, дрожу, а толку мало. Центральное отопление вчера зашипело, я только спинку погрел, а оно остановилось. Проба была. Через две недели только его заведут на всю зиму. А я что ж, две недели дрожать должен?!

Спать хочется ужасно. Днём сплю, вечером сплю, ночью… тоже сплю.

Зина говорит, что у меня сонная болезнь. Мама

говорит, что у меня собачья старость. Музыкальная учительница говорит, что у меня чума... Гав! На одну собаку столько болезней?!

А у меня просто тоска. Очень мне нужна ваша осень и зима в квартире с шифоньерками!

И тетрадка моя кончается. И писать больше не о чем... У-у! Был бы я медведь, пошёл бы в лес, лёг в берлогу, вымазал лапу мёдом и сосал бы её до самой весны...

Сегодня на балкон попал кусочек солнца: я на него улёгся, а оно из-под меня ушло… Ах, боже мой!

Пока не забыл, надо записать вчерашний сон: будто все мы, я и остальное семейство, едем на юг, в Канн. Бог с ним, с зимним Парижем! И будто Зина с мамой ушли в закусочный вагон завтракать… Папа заснул (он всегда в поезде спит), и так горько мне стало!.. Почему меня не взяли с собой? А из саквояжа будто кто-то противным кошачьим голосом мяукнул: «Потому что собак в вагон-ресторан не пускают. Кошек всюду пускают, а собак, ах, оставьте!»

И я рассвирепел, в саквояж зубами вцепился и… проснулся.

* * *

Перелистывал свои странички. А вдруг бы их кто-нибудь напечатал?! С моим портретом и ав-то-гра-фом?!.

Попала бы моя книжка в лапки какой-нибудь девочке в зелёном платьице… Села бы она у камина с моим сочинением, читала бы, перелистывала бы и улыбалась. И в каждом доме, где только есть маленькие ножки с бантиками и без бантиков, знали бы моё имя: Микки!

Зина спит, часы тикают. Консьержка храпит — о! — я и через пол слышу...

До свидания, тетрадка, до свидания, лето, до свидания, дети — мальчики и девочки, папы и мамы, дедушки и бабушки... Хотел заплакать, а вместо того чихнул.

Ставлю большую, большую точку •

Гав! Опять меня блоха укусила!.. В такую трога-

тельную минуту…

Кровопийца собачья!..

Всеобщий детский друг,
скромный и сонный фокс Микки

Рассказы

Фокс-воришка

Каждый раз, когда спускаешься к колодцу мимо радостно-изумрудных косматых лоз за водой, фокс Микки появляется из-за дома и идёт за мной по пятам с таким видом, будто он получает за это жалованье.

Трудно понять собачью душу… Что за охота в жару глотать рыжую пыль, подымающуюся из-под верёвочных подошв человека. На тропинке ничего интересного: вялые муравьи и щербатые, надоедливые камни. Стоило ли выползать из-под тенистого дуба, под которым снятся такие сладкие собачьи сны…

Или он так влюблён в своего хозяина, что, заслышав звон ведра, повинуется зову сердца и тянется к моим выгоревшим штанам, как мотыльки к горящей свече? Едва ли. Ведь когда сидишь на краю холма, где со всех сторон обдувает жаркую спину прохлада, его, чёрта, ты не дозовёшься. Сидит в кустах и, несмотря на свою аристократическую породу, облизывает, как самый простой собачий сын, коробочку из-под сыра… Какая уж там любовь?

Сегодня я наконец понял, в чём дело. Когда я

поравнялся с толстой почтенной смоковницей и обернулся, — белая собачья спина исчезла. Я индивидуалист и в чужие дела вмешиваться не люблю. Быть может, собаке захотелось почесаться в тени вырезанных виноградных листьев, — ведь это гораздо приятнее, чем задирать лапу смычком выше головы на прибитой голой тропинке, с которой блоха опять же на собачью спину и прыгнет…

Но, возвращаясь с полным ведром, я остановился: белое пятно застыло в зелёном туннеле под лозой, потом продвинулось дальше. Опять застыло. Густые листья вздрогнули и зашипели. Свидание? Но второго пятна — ни жёлтого, ни белого — рядом не было. Странно. Я беззвучно опустил ведро на землю и прокрался ближе. Боже мой! Мой эмигрантский фокс, мой честный интеллигентный пёс нагло нарушал добрые провансальские нравы: переходил от лозы к лозе, выбирал самые спелые гроздья и ел чужой виноград…

— Микки! — крикнул я возмущённо. — Что ты делаешь, Микки?! Разве ты хочешь, чтобы я тебя отправил в колонию малолетних преступников?..

Микки вздрогнул и исчез, будто в преисподнюю

провалился. Через минуту он появился с другой стороны дорожки из зарослей сухих колючек. Посмотрел на дикую грушу — зевнул, потом на меня: «Ах, вот ты где»... И, прикинувшись наивным простачком, сбил с морды приставший к бороде сухой виноградный лист. Он нагло лгал всей своей позой, невинными детскими глазами, беспечно играющим обрубком хвоста.

— В чём дело, хозяин? Я был в колючках по своим маленьким гигиеническим делам... Почему ты поставил ведро на землю? Тебя наверху давно ждут... Ведь нельзя ставить на огонь пустой чайник. Дай-ка, дай-ка верёвку, я потяну, и тебе легче будет нести ведро в гору.

Но я вытаскиваю из зубов Микки верёвку, опускаюсь на камень и со всей строгостью, которую мне удалось из себя выдавить, говорю:

— Какой срам, Микки! Ты когда-нибудь видел, чтобы я срывал у дороги чужой виноград или фиги? Или надевал сохнущий на заборе чужой купальный костюм?.. Как ты смел? Разве во время обеда я не отдаю тебе самые сочные ягоды? Ты не собака, ты свинья, и я до самого ужина не буду с тобой разговаривать...

Увы. Должно быть, строгие ноты моего голоса не были убедительны. Микки нехотя перевора-

чивается на спину, нехотя подымает кверху лапы — это ему заменяет белый флаг — и скулит. Но ни тени раскаяния я в его голосе не слышу. За два года совместной жизни мы хорошо научились понимать друг друга, и мне совсем нетрудно перевести его жалобу с собачьего языка на русский.

— Отчего ты такой симпатичный и такой несправедливый? Я ведь один из дому в виноградник не бегаю. Только с тобой. Ты идёшь за водой, а я пасусь. Почему сороки клюют виноград? И осы его едят? Почему вчерашняя гостья, от которой пахнет жёлтыми папиросами, отщипнула самую толстую виноградину, а ты видел и промолчал? И коза сегодня натянула верёвку и слопала целую кисть вместе с листьями и букашками?.. У ферм я никогда не трогаю, прохожу мимо, даже стараюсь не смотреть… А здесь, на холме, — виноград общий. Можно мне перевернуться и стать на лапы?

Что поделаешь?.. Пусть уж переворачивается. Мы мирно подымаемся рядом к дому. Когда я отстаю, чтобы хорошенько обсудить отвратительный собачий поступок, Микки останавливается на пригорке и снисходительно меня дожидается, иронически вскинув ухо. Он молчит, но его молчание я научился понимать:

— Иди, иди… Тоже строгий… Даже не шлёпнул. Вот я полакомился, к самому мускату пробрался. И ничего ты со мной не поделаешь. Не то что виноград, и утёнка слопаю, если он сюда на ничейный холм с фермы приковыляет… Потому что я дикий охотничий фокс, и мне скучно всегда тебя, комнатного человека, слушаться… Понял?

Буйабес

Родители поехали вперёд. А дядя Петя отважно взялся везти детскую команду: Гришу, Савву, Надю и Катеньку (восьми, девяти, одиннадцати и двенадцати лет).

Из Парижа до Тулона добрались благополучно. Попутчик по купе третьего класса, толстый негр с седой паклей на голове, так разоспался, что всё норовил во сне положить свою ногу Савве на плечо, но Савва не сдался — пять раз сбрасывал негритянскую ногу и наконец победил… Негр спал с широко разинутым ртом; Гриша хотел было заткнуть ему рот алюминиевым яйцом для заварки чая, однако дядя Петя не позволил и заявил, что это «некультурно».

В Тулоне дядя Петя оплошал. Багаж — уйму пакетов и пакетиков с дачной рухлядью — по русскому обычаю везли в вагоне, и вот не догадался дядя, переправляясь в Тулоне с большого вокзала на узкоколейный, сесть с детьми в трамвай, а багаж на переднюю площадку впихнуть.

Вместо того взяли извозчика. Лошади — два прилизанных одра в соломенных шляпах, коляска — загляденье — над головами белый балдахин

с висюльками, сиденья вязаными салфеточками покрыты… Сесть даже боязно, как бы такой чистоты пыльными штанами не испачкать.

Зато и содрал извозчик: пятнадцать франков за десятиминутную черепашью рысь! Дядя Петя раньше не сторговался в суматохе и очень был огорчён. Не так ценой, где уж наше не пропадало, сколько свинством. Город такой симпатичный, на Севастополь даже чуть-чуть похож, а извозчик такой неблагодарный попался.

Не выдержал дядя и сказал:

— В Париже, сударь, шофёр за такой конец втрое дешевле берёт, а у вас в Тулоне простому извозчику столько платить приходится… Надо же и границу знать.

А извозчик, черноусый морж, обернулся, дерзко дяде подмигнул и ответил:

— В Париже? Хо! Зато у нас есть «буйабес»!

* * *

Слово приятное, что и говорить… Но что оно значит, даже дядя Петя не знал, даром что когда-то ветеринарный институт окончил и имена всех жуков на свете знал.

Надюша решила, что «буйабес» — это, вероятно, тулонская наклонная башня… Почему бы и

Тулону не иметь такой башни для туристов? За вход по три франка, а упадёт — будут развалины осматривать. Старшая, Катенька, самая умная, высказала догадку, что «буйабес», должно быть, тулонское матросское ругательство; кучер был нахал — это ясно, а в приморских городах кучера ругаются по-матросски.

Гриша и Савва даже поссорились. Гриша уверял всех, что так называется по-провансальски бой быков, — он сам видел на афише, когда извозчик проезжал мимо, — два быка из лошади внутренности выпускают, а сбоку стоит «быкадор» со шпагой и на груди у него надпись «буйабес».

Савва клялся, что никакой афиши не было, и в доказательство щёлкнул Гришу кодаком по голове; дядя Петя, конечно, рассердился и заявил, что это некультурно…

Словом, только в провансальском рыбачьем посёлке, когда приехали на место, — всё разъяснилось. У синего залива старик-рыбак варил на опушке прибрежной рощицы знаменитую провансальскую похлёбку из красной рыбы и прочих морских жителей, заправленную… чем только не заправленную! Дачники похваливали, и называлась эта похлёбка «буйабес»…

Такое кухмистерское открытие сперва разо-

чаровало детей. Французская уха, эка невидаль, нашёл чем извозчик хвастать! Если бы ещё мороженое какое-либо особенное из кактусов или китовых сливок — это действительно достопримечательность не хуже пирамиды, а суп из рыбы… кушайте сами.

Однако почему же все едят не наедятся? Американцы приезжали на зелёном автомобиле, заказали к воскресенью восемь порций, знакомый инженер говорил, что это не блюдо, а «лунная соната»… Может быть, рыбак в этот суп жемчуг кладёт для вкуса? Ну нет, разве тогда продашь порцию за четыре франка?

Надо было попробовать… Может быть, действительно, не стоит тогда есть ни китайских орешков, ни леденцов-сосулек, ни фисташкового мороженого — только один «буйабес», чтобы потом было о чём в Париже вспоминать… Это тебе не Па-де-Кале с бульоном из прошлогодних костей!

Но отец сказал: «Ни в коем случае». Во-первых, перец вредно влияет на детский организм, — хотя Гриша и божился, что у него организм «мужественный» и что он в доказательство готов проглотить целую чайную ложечку перца даже без облатки. Во-вторых, сказал отец, в «буйабес»

кладут каких-то морских тараканов, ежей и головастиков… Дети пошептались и решили, что головастики туда-сюда, из любопытства отчего бы не съесть. Но морской ёж… Проглотить его дело нелёгкое, а что с ним потом делать?

* * *

Внук рыбака, маленький, загорелый, словно его в шоколаде выкупали, Пьер, открыл Наде секрет: никаких головастиков, никаких морских ежей… Надя Пьеру очень нравилась — она вышила его дедушке закладку для Библии с надписью на русском языке «рыбак рыбака видит издалека», она остригла по дружбе Пьеру волосы, правда грядками, «вроде виноградника», как говорил дедушка, — но всё-таки остригла… Уши остались целы, а ведь это самое главное.

Пьер открыл Наде секрет, как готовить «буйабес», только взял с неё слово, что когда она вырастет и вздумает стряпать это кушанье для американцев-туристов, то чтоб она не делала этого на их берегу, а то дедушка не выдержит конкуренции и прогорит.

Надя поклялась, и Пьер, сидя верхом на старой опрокинутой лодке, всё ей рассказал, как умел.

— В буйабесе главное — красная рыба… Колючая морда, выпученные глаза, — красно-серая чешуя, красные плавники и хвостик. Для навара, чтобы крепче морем пахло, подбавь маленьких крабов, мулей, белых ракушек, креветок, маленьких осьминогов… Дедушка стар, плохо видит, он иногда и морскую звезду в котёл бухнет, а раз мне целлулоидного дельфина знакомая девочка подарила, так он и дельфина сварил. Приправа — лавровый лист, шафран, чеснок, перец, лук, соль… Ты девочка, что ж тебе объяснять… Всего восемнадцать специй. Вышей дедушке ещё одну закладку, он тебе сам всё расскажет. А шафран продают в аптеке, в пакетиках — порошком. На каждого американца — по одному пакетику. Полчаса кипит, полчаса через край бежит, полчаса дедушка трубку прочищает. Поняла?

* * *

Надюша поняла. Позвала сестру и братьев, шептались, шептались и дошептались. Родители всё говорят — «будьте самостоятельны». Хорошо! Прекрасно! Вот и приготовят «буйабес» сами и принесут родителям попробовать. Пусть тогда не выдумывают про головастиков, и морских ежей, и свинок… и не бранят знаменитого блюда, не

попробовавши.

Ковшик красной рыбы и всякую морскую мелочь дал сосед-рыбак, — дети ему не раз помогали сети в лодку укладывать и рыбу разбирать. Среди красной попалась и «тигровая» рыбка — зелёная с оранжевой ленточкой вдоль боков… Чем зелёная хуже красной? Сойдёт.

Мальчики вырыли под берегом ямку, выложили её внутри и оградили вокруг от ветра камнями, а поперёк вместо плиты приладили два куска ржавого обруча от старой бочки. Очаг всегда строят мальчики, и пока он не был готов, девочки не имели права подходить ближе двадцати шагов, — такое условие поставил Гриша.

В чём варить? Савва принёс было найденную им в водорослях жестянку из-под керосина, но девочки рассердились и посоветовали Савве сделать себе из этой жестянки цилиндр и носить по воскресеньям. К счастью, у сарая для лодок стояло старое ведро, и так как на нём не было написано, кому оно принадлежит, то дети решили, что они «нашли» это ведро, — а найденное старое ведро, как известно, приятнее всякой кастрюли.

Катя принесла из аптеки пять пакетиков с шафраном: по полпакетика на детскую порцию и по пакетику на родителей и дядю Петю. Чеснок, соль

и перец выменяли у соседки рыбака на портрет Лермонтова из хрестоматии, который рыбак немедленно приклеил над койкой между фотографиями своих ближайших родственников.

Чистили рыбу все вместе, — чешуя, впрочем, только вставала под ножом ёжиком и шипела, но почти вся оставалась на своём месте. У каждого была своя манера: Гриша срезал у рыб только хвосты. Савва только головы, Надюша — и головы, и хвосты, а Катя отдала строгое распоряжение насчёт рыбьих внутренностей и сама ушла за пресной водой…

Дети обиделись:

— Принцесса нидерландская! Мы должны кишки чистить, а она на каблучках вертится… Ни за что!

Так рыба с кишками в ведро и полетела. А у ракушек и кишок, слава богу, нет, сполоснули и в воду…

Пламя лизало ведро, вода забулькала и забурлила по краям буграми. Снимали пену и сторожили ведро все по очереди, и, понятно, каждый по очереди подсыпал то перца, то соли, а Гриша, когда остался один, даже горсть китайских орешков подбросил — пусть и они свой навар дадут…

Каждую минуту пробовали: на «лунную со-

нату» всё ещё не было похоже, но не варить же целые сутки. Это, наконец, скучно! Сняли ведро с огня и понесли вчетвером свой дымящийся «буйабес» — угощать родителей и дядю Петю.

* * *

Мама оказалась хитрее, чем можно было ожидать.

— Сами сварили? Настоящий «буйабес»? Вот и чудесно… Я сегодня, кстати, из-за головной боли и обеда не готовила… Вы ведь ещё не ели, а?

— Нет, мы только пробовали…

Дети переглянулись: мать налила каждому по полной тарелке, налила и себе. Попробовала, закашлялась и похвалила.

— Очень, очень вкусно! Что же вы не едите?

Пришлось есть… Савва потом уверял, что у него в животе точно пороховой склад взорвался… Гриша чуть ракушкой не подавился, а Надя только тем от «буйабеса» и спаслась, что усердно принялась Гришу по спине колотить, — это ведь первое средство, когда кто-нибудь поперхнётся.

А дядя Петя пришёл, попробовал и сказал:

— Амброзия! По настоящему рецепту в «буйабес» для навара ещё парочку резиновых каблуков кладут… В следующий раз, когда будете варить,

возьмите у меня в ночном столике.

И трудно было понять, серьёзно он это говорил или только так… дразнился.

Патентованная краска

В тихом отеле на окраине Парижа сидел в своём номере русский мальчуган Дима и скучал. Настоящее его имя было Вадим, но у шестилетнего человека всё ведь маленькое: и башмачки, и курточка, и самоё имя. В номере отеля не очень-то развлечёшься. Дима открывал и закрывал краны с горячей и холодной водой, выдвигал и задвигал ящики комода — понюхал завалявшийся в комоде колбасный хвостик… Неинтересно. Нажал кнопку звонка у дверей. Раз приделана, значит, надо нажать. Но пришла горничная и сказала, что если он ещё раз позвонит, то придёт пожарный солдат и откусит Диме нос. Странные пожарные в Париже! Подставил он стул к центральному отоплению, сел на него и сразу соскочил. Почему? А вот вы сядьте, так узнаете.

Тётя Маша всё не возвращалась. Ушла после обеда по каким-то своим делам в город. Почему у взрослых всегда «дела»? Да ещё дела такие несуразные. Прилетела из Марселя с Димой, чтобы закупить в Париже партию дамских нарядов прошлого сезона. В Марселе в бедных кварталах мода всегда отстаёт на полгода, и для тёти Маши

то было почему-то выгодно. Хорошо всё-таки быть мужчиной: носи себе свою курточку и пиджачок до бесконечности и никакая мода тебя не касается…

Вот и сиди и дожидайся, как скучающий пудель какой-нибудь, которого из Марселя только потому и привезли, что не на кого было там оставить.

И вдруг за окном… О, это очень интересно! Стали в кружок люди, на цыпочки подымаются, друг другу через плечо куда-то заглядывают, а из середины звонкий голос, весёлый такой, что-то рассказывает. Натянул Дима свой берет на голову — швы так и затрещали, — слетел с лестницы леопардовыми прыжками — и на улицу.

* * *

Когда мальчик ростом с табурет, — танцевать за спиной взрослых на цыпочках не очень-то весело. Дима нырнул под локоть какой-то полной дамы, наступил ей на туфлю, не успел даже сказать «пардон» и сразу очутился в первом ряду.

Плотный румяный француз, склонясь над походным столиком, грел на керосинке воду и купал в маленьких жестянках какие-то тряпочки. И всё говорил, говорил, говорил, точно его завели на

целые сутки, — губами, руками, ногами… Даже чуб помогал, прыгал в такт словам и поддакивал: да, да, да!

«Мои краски ничуть не похожи на те бесполезные дрянные порошки, которые вы можете купить в любой лавочке! Выбрасывать франки в Сену никому не воспрещается: Сена не станет от этого богаче, но вы обеднеете! Мои краски красят всё: шёлк, сукно, гипс, дерево, бумагу, волосы, слоновую кость, меха и даже гусиные перья. Кипятить не надо. Вы высыпаете в тёплую воду краску — раз! — и окунаете туда вашу вещь — два! — через пять минут вы облегчённо вздыхаете. Ваша вещь раз навсегда становится красной, как петушиный гребень, зелёной, как морская волна, лиловой, как фиалка, чёрной, как внутренности негра… Что кому нравится… Если вы хотите сделать любимому существу сюрприз, вы покупаете пакетик — один стоит франк, два — франк шестьдесят пять — и красите гипсового поросёнка, или шёлковый платочек, или брезентовые туфли в любой цвет, как я это делаю на ваших глазах, господа! Вы хотите купить? Нет? Ничего, через две минуты вы купите! Вы хотите купить? Благодарю вас. Два пакета?.. Один. Ещё кто? Торопитесь! Завтра я уезжаю в Мадрид,

и это последний случай в вашей жизни, когда вы можете запастись такими изумительными красками...»

Дима стоял у самого ящика, нос его почти касался дымящейся кастрюльки. Разноцветные бульоны так вкусно и едко пахли... И вдруг одна его рука вытащила из кармана франк, а другая дёрнула болтающего человека за пальто (иногда ведь руки действуют раньше головы). А язык сказал робко и почтительно: «Дайте мне пакетик!..»

«Какого, друг мой, цвета?» — «Лилового...» — «Мерси, до свиданья! Видите, господа, даже дети не могут устоять!»

И только на лестнице своего отеля Дима понял, зачем ему эта краска. «Он же сказал, что можно сделать любимому существу сюрприз... Тётя Маша моё любимое существо, я ей и сделаю сюрприз!»

* * *

Дима скользнул в свой номер с пакетиком в руке, — вот и развлечение нашлось. А за ним пушистый толстяк, белый отельный кот. Утром он от Димы ломтик ветчины получил — коты такие услуги ценят и помнят... Запер мальчик поплотнее дверь, рукава засучил — и за работу. На столе

лежала тётина вязаная салфеточка, старенькая и вся в рыжих пятнах, — как же её не покрасить? Тёте Маше такой сюрприз и во сне не приснится!

Напустил Дима горячей воды в умывальник, литра два. Всыпал в воду тонкой струйкой порошок, и вода стала лиловая-лиловая, лиловей сирени, прозрачней аметиста. И стал купать салфеточку аккуратно и осторожно, чтоб брызги, не дай бог, паркета не закапали: ведь отель!

Выкупал, отжал, лиловую воду в трубу сплавил, а чтоб не слышно было, как вода бурчит, стал громко кашлять. Умывальник начисто вымыл. Не салфетка, а фиалковый коврик!.. Разостлал на полу толстую обёрточную бумагу, сверху газету, сверху опять бумагу — и разложил, расправил салфеточку, — пусть сохнет. А белый кот кругом ходит, о комод трётся, о стул трётся, о Димины ноги, и всё ближе к салфетке на пружинных лапках подбирается: любопытно, никогда в отеле он таких штук не видал. Носом кислый воздух потянул и вдруг, не успел мальчик ахнуть, прыгнул кот на салфетку, перевернулся на спину и давай валяться и урчать. У котов всякие ведь фантазии бывают…

Дима смеётся: пусть, пусть поваляется, салфетка скорее просохнет. Но когда кот встал, мальчик

чуть со стула не свалился: лиловый кот! Вся спина, как тёмно-сиреневый куст… Да ведь теперь весь отель сбежится, что будет?! Ведь тётя же просила, чтобы он, не дай бог, чего не натворил. Разве ж это он натворил? Это кот натворил. Что делать, что теперь делать?!

А в дверь стучат. Это всегда так бывает: чуть несчастье, сейчас тебя тут и накроют… «Сейчас, Господи…» Дима кота под мышку и скорей его в ночной шкафик, кот лапы растопырил, еле удалось втиснуть. Вошла горничная (Дима лиловые руки за спину, салфетку успел под кровать ногой задвинуть) и спрашивает мальчика: «Наш кот не у вас?» — «Нет… он на улицу гулять пошёл. Сегодня такая хорошая погода!» Посмотрела она во все углы — и вышла.

Благородный кот, представьте себе, даже не мяукнул.

Вытащил его Дима, стал газетой вытирать. Куда там! Ещё ярче стал, краска и на живот пошла, и вдоль лап, и по ушам: прямо лиловая зебра. Продавец же ручался, что краска прочная, до самой смерти не сойдёт. А кот к нему на колени нацеливается прыгнуть…

Заметался Дима, но крепко помнит, что дела так нельзя оставить. Завернул кота в бумагу, нос

в коридор высунул — никого. Побежал в конец коридора, кота на пол опустил и скорей к себе. У дверей оглянулся — всё в порядке: крашеный кот в чью-то полуоткрытую дверь шмыгнул — жилец, очевидно, на минутку вышел.

Главное сделано. Салфетку с бумагой с чёрного хода вынес и проезжему молочнику подбросил, — пусть себе кашне сделает.

Вернулся в номер, руки тёр-тёр и мылом, и тётиным одеколоном, и о каминные кирпичи. Наполовину отмыл. Что ж он врал, что краска не отходит?

Сел у стола и стал тихо-претихо сам с собой в домино играть.

Играет и одним ухом прислушивается: когда же в коридоре сражение начнётся? И началось! Хозяйка закричала басом, жилец — дискантом, потом горничная, потом хозяйская дочка, потом все жильцы посыпались сверху и снизу.

Нельзя было Диме оставаться в стороне. Выскочил и видит: все у жильца в комнате столпились, на белом одеяле фиалки расцвели — всё в пятнах. Любимый кот в старое полотенце завёрнут, мяучит, ничего не понимает: он ведь один не знал, что он лиловый.

— Кто так посмел над ним надругаться? Вы мне,

сударь, и за кота и за одеяло ответите!..

— Я?! — завизжал жилец. — Я?! Он ко мне вошёл крашеный, я вам, мадам, не кошачий красильщик… Я у вас третий год живу, ноги моей здесь не будет после ваших слов!..

Другие жильцы заступились, стали на хозяйку кричать, и хозяйка заплакала. Отельные хозяйки плачут редко, но случай был такой особенный.

И все стали свои предположения высказывать: выкрасили ли кота в насмешку или он сам по легкомыслию выкрасился.

А Дима вперёд просунулся и вежливо говорит: «Вы, мадам, извините. Я — маленький, но кое-что понимаю. Внизу из аптеки в бак на чёрной лестнице всякую дрянь выбрасывают, может быть, ваш кот там и перемазался…»

— Ах, какой умный мальчик! Конечно, конечно. Ведь это же анилиновая краска… — И побежала хозяйка аптекарю сцену делать.

Разве Дима соврал? Во-первых, кот сам выкрасился, а во-вторых, мог же он и в баке выкраситься… второй раз.

Убежал опять к себе. Представление было окончено, — и сел в домино доигрывать.

* * *

Тётя Маша вернулась поздно. Всё в порядке. Носом только потянула: «Почему это в комнате воздух такой кислый?» — «Это ты утром лимон резала», — сказал Дима. Выпил свою порцию молока и раньше обыкновенного в постель. «Ты что же, Дима, нездоров?» — «Нет, тётечка, просто спать хочется». — «Ну, спи: бог с тобой!»

Ходит тётя по комнате и всё думает, привезла она с собой салфеточку или ей только показалось, что она утром на столе лежала? Не стоит, впрочем, о таких пустяках и думать.

А Дима лежит в постели и соображает: тётя не раз смеялась, что он во сне разговаривает. Вдруг он ночью всё и разболтает?

И тихонько-тихонько вытянул из курточки носовой платок и завязал себе рот. Ночью и через нос дышать можно.

Домик в саду

В саду было пусто. Только на полянке за ёлками на весь сад весело стучал топор. Стучал да стучал. На стук топора из белого дома приплелась кошка Маргаритка. Села на кучу прошлогодних листьев и видит: стоит среди поляны рыжий плотник Данила и тешет брёвна. Обошла кошка вокруг Данилы, обнюхала пахучую жёлтую щепку, которая, как сумасшедшая, прыгнула к ней прямо на нос из-под топора, и давай мяукать.

— Мяу-мур, — мур и мяу, — я знаю, что это будет.

— А что, госпожа кошка? — вежливо спросил скворец с берёзы и нагнул вниз голову со своей жёрдочки.

— Мняу! Вам очень хочется знать?

— Чики-вики, очень.

— Видите ли, в том белом доме живут две девочки…

— Розовая и белая?

— Мяу, да, и у них есть папа, такой огромный папа, в два раза больше самой огромной собаки. Да. Так вот, этот папа вчера заказал плотнику Даниле для своих детей дом…

— Чики-вики, скворечник.

— По-вашему — скворечник, по-нашему — дом…

И вот — хлоп, где-то щёлкнула дверь, и с крыльца белого дома понеслись вперегонку к полянке две девочки: одна розовая, поменьше, круглая, как колобок, — Тася; другая в белом, длинненькая и худая, как жёрдочка, — Лиля.

Прибежали и давай прыгать вокруг Данилы:

— Данила, Данилушка, миленький, самый миленький, когда же дом будет готов?

— Через месяц.

— Ай-яй-яй! Да вы не шутите, мы серьёзно вас спрашиваем…

— Ну, через неделю.

Тася и Лиля посмотрели друг на друга, вздохнули — вот тебе раз!

— Сегодня будет готово к обеду, — сказал Данила, улыбаясь в рыжую бороду. — А что мне за это будет?

— Всё, всё, всё! Всё, что хотите!

— Ладно. Всё так всё.

Гуп! Гуп! — И топор опять заходил по бревну.

Распилил Данила бревно на четыре куска, заострил концы, словно карандаши очинил, и вбил в землю.

— Ловко, — сказала кошка, — это он будет пол настилать.

А из белого дома приковылял ещё один человечек: кухаркин сынок, Василий Иванович, весом с курицу, двух лет с хвостиком, румяный, как помидор. Пришёл, палец в рот, вытаращил глазки, пустил слюну и смотрит.

— Васенька, иди-ка, червячок, сюда, посмотри, — позвала Лиля и посадила рядом с собой на бревно.

Сидят, как галки, все четверо: Лиля, Тася, кошка и Василий Иванович — и смотрят.

Хорошо!

А Данила старается. Знает он, каково ждать, когда дом строится! Притащил из сарая доски, собрал быстро стенки — хитрый был, молчал, а всё у него было заготовлено, — вставил раму, приложил так, чтобы окно к речке выходило, чтобы всё можно было видеть: и лодки, и уток, и купальную пёструю будку…

— Мур-мяу! — сказала кошка и ткнула Лилю головой. — Окно со стеклом, как же я буду через окно лазить?! Это он, верно, нарочно, за то, что я у него вчера ватрушку стянула…

— Да не приставай ты, чучелка, — Лиля не понимала кошкина языка, да и некогда было с ней

возиться.

— Данила, Данила, — запищала Тася, — а, Данила? Уже можно жить?

— По-го-ди… Какая смешная девочка! — заскрипела скворчиха над головой у Таси. — Как же можно жить без крыши и без дверцы? Ага, вот и дверцы! Какие большие и совсем не круглые! Ничего он не понимает, этот Данила…

Кошка посмотрела одним глазом на скворчиху и лениво зевнула:

— Мняу… Эй ты, скворечная курица, иди-ка лучше в свой ящик спать! Сама ты ничего не понимаешь, а ещё рассуждаешь, тоже…

Скворчиха сделала вид, что не слышит, — стоит ли со всякой кошкой связываться!

— С новосельем! — сказал Данила, взял топор под мышку, набил трубку, закурил и ушёл.

— Ай да домик! Настоящая крыша, настоящие дверцы, настоящее окно… А внутри как хорошо, прямо запищишь от удовольствия, по бокам лавочки, как в вагоне. Под окном столик на крючках, смолой пахнет, чистенький такой, словно его кошка языком облизала.

Стёкла в окошке переливаются, а за окном, как на ладошке, вся голубая река: утки плывут и кланяются, верба на берегу зелёными лентами

машет, жёлтый катерок пробежал, фыркая, как мокрая собака. Хорошо!

Посмотрела Лиля на Тасю, Тася на Лилю, Василий Иванович на кошку и кошка на всех, — вдруг что-то все вспомнили и сразу затормошились.

А мебель? А картинки? А занавески? А кухня? А посуда?

— Ах ты, боже мой, какие мы свистульки!

Подхватили девочки Василия Ивановича — одна справа, другая слева — под мышки, как самовар, и понесли к дому. Кошка осталась. Ходит да нюхает всё: новый домик, надо же привыкнуть. Смотрят с берёзы скворец и скворчиха и удивляются — никогда ещё в саду они такого чуда не видали. Впереди шагает Василий Иванович, пыхтит и волочит по земле красный коврик, за ним вприпрыжку Тася с целым кукольным семейством на руках, за ней Лиля с жестяной кухней, с резной полочкой, с самоваром, за ними мама с занавеской и с посудой (такая большая, а с девочками играет!), за ней папа, широкий, как купальная будка, идёт, очками на солнце блестит, а в руке молоток и картинки, за ними кухарка с морковками, а в самом хвосте чёрная собака Арапка — ничего не несёт, идёт, язык высунула и тяжело дышит…

— Чики-вики, — запищала скворчиха, — идём скорей в скворешник, у меня даже голова закружилась…

Пошла работа! Разостлали в домике коврик, углы утыкали зелёной вербой, прибили картинку — «мальчика-с-пальчика», приколотили полочку, расставили посуду, накололи занавеску — и готово.

Папа с кухаркой Агашей были оба толстые и никак не могли пролезть в дверь, как ни старались. Поздравили девочек со двора с новосельем и ушли. А мама, маленькая, худенькая, осталась было с ними жить, всё расставила, всё прибрала, вытерла Василию Ивановичу нос, сняла с волос малиновую ленту и повязала её кошке, ради новоселья, вокруг шеи и только собралась с ними стряпать, как её позвали в белый дом… Ушла, как её ни просили остаться.

— Нельзя, — говорит, — червячки. У вас свой дом, у меня свой, — как же дом без хозяйки останется? До свиданья!

Так и ушла.

— А кто же у нас будет хозяйкой? — спросила Тася.

— Я, — сказала Лиля.

— А я?

— И ты тоже.

— А Василий Иванович?

— Наш сын.

— А кошка?

— Судомойка.

— Мняу! Скажите пожалуйста! — обиделась кошка. — Почему судомойка?

— Потому что тарелки лижешь, — захрипела старая Арапка, хлопая, как деревяшкой, хвостом по полу.

— А ты не лижешь?

— Лижу, да не твои.

— Эй, вы, не ссориться. — Тася топнула башмачком, взяла ведёрко и пошла к реке за водою.

Возле дома на траву поставили кухню, собрали щепок, растопили плиту, перемыли в ведёрке морковку, нарезали и поставили вариться, а сами опять в дом.

Только уселись и затворили дверцы — слышат, из белого дома кто-то спешит, задыхается.

— Молчать, сидеть тихо! — скомандовала Лиля.

Тася посмотрела в щёлку и уткнулась губами в Василия Ивановича: смешно, хоть на пол садись, а рассмеяться нельзя.

А за дверцами стоял важный человек: брат Витя — приготовишка, в длинных штанишках, — с девочками играть не любил, — стоял и смотрел.

— Отворить? — шепнула Тася.

— Пусть просит.

— Эй, вы! — раздалось за дверью.

Ни гу-гу.

— Да пустите же, курицы!

— Пустить? — опять шепнула Тася.

— Слушай, — Лиля подбежала к двери и взялась за крючок, — мы тебя пустим жить, только, только…

— Что только?

— Что ты нам принесёшь в дом?

— Жареного таракана.

— Кушай сам! Нет — ты всерьёз скажи…

— А вот, а вот… я вам… выкрашу крышу!

Трах! Крючок слетел, и дверь чуть сама не спрыгнула с петель, дом так и закачался.

— Выкрасишь крышу?!

— Могу!

— В зелёную краску?!

— Могу и в зелёную.

Витя был большой мастер. Через полчаса крыша была зелёная, как лягушка, и Витины руки были зелёные, и кошкин хвост был зелёный (зачем суётся?), и даже на Тасин башмак капнула зелёная краска.

Вода в кастрюльке закипела. Вытащили морковку, разрезали на кусочки, разложили на тарелочки и дали всем — и Василию Ивановичу, и Арапке, и кошке.

А когда пообедали, опять заперли дверь на крючок, тесно-тесно уселись на лавочке и давай петь:

Наш дом! Наш дом! С окном! С крыльцом!

Наш дом! Наш дом! С потолком! С крючком!..

Замечательная песня.

Целый день не вылезали из домика, и когда позвали их обедать в большой дом, так и не пошли, заставили всё принести к себе в домик.

Так и просидели до вечера. Ночевать в домике им не позволили, да и холодно, — пришлось идти всей компанией в белый дом, в свою детскую. Ах, как не хотелось!

Ушли. Луна вылезла из-за речки. В домике стало пусто и тихо. Совсем тихо. Кошка проводила детей и вернулась.

Обошла домик кругом, — дверь на задвижке. Какая досада!

Там за лавочку во время обеда завалился кусочек котлеты, завтра прозеваешь — Арапка съест. Она на это мастерица!

Сидит кошка, зевает: идти в сарай на стружки спать или здесь перед дверью клубком свернуться?

И вдруг прислушалась — шуршит что-то в домике, шуршит да шуршит. Забежала с другой стороны, ухватилась когтями за окно, смотрит: сидит на столике за стеклом мышь и ест кошкину котлету, лапками так и перебирает.

— Ах ты разбойница!

Рассердилась кошка, даже зубами заскрипела. А мышь увидела её, смеётся, хвостиком машет, дразнит, — за стеклом не страшно.

Свалилась кошка на траву, посидела, подумала и пошла к дверям.

— Тут и лягу… Утром Лиля и Тася двери откроют — покажу я тебе, как чужие котлеты есть!..

Не знала она, глупая, что в углу, когда плотник Данила пол сбивал, один сучок из доски выскочил: много ли мышке надо, чтобы уйти?..

